

ЭКСТРЕМАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ИННА БАЛТИЙСКАЯ

Селегония
ИЛИ
ЭФФЕКТ ПЕРВОГО САМЦА

«КРЫЛОВ»

Инна Балтийская Телегония, или Эффект первого самца

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2316565

Телегония, или Эффект первого самца: Крылов; Санкт-Петербург;

2011

ISBN 978-5-4226-0106-6

Аннотация

В маленьком городке творится неладное. Простые русские мужики в состоянии аффекта убивают жен, родивших им чернокожих детей. Во Франции и Англии умирают лорды и телемагнаты, а на их огромное наследство претендуют женщины... все из того же городка. Основание – дети, которых они родили якобы от этих людей. Все генетические экспертизы подтверждают – да, это дети лордов и телемагнатов. Но такого просто не может быть! Ученые с мировым именем отправляются в городок, чтобы исследовать феномен, но пропадают бесследно, как в Бермудском треугольнике.

Ведется следствие и на сцену выступает подзабытая теория телегонии, согласно которой наследственные черты первого мужчины навсегда остаются в потомстве женщины, от кого бы она впоследствии ни рожала. Неужели отвергнутая гипотеза

– правда? Разгадать загадку суждено специалисту по генетике Веронике Неждановой, волею судьбы попавшей в городок, в котором оживают самые зловещие легенды. Но пока даже видавшие виды ученые содрогаются от ужаса, а люди продолжают погибать и пропадать. И Вероника не догадывается, какие чудовищные сюрпризы приготовил для неё притаившийся в секретной лаборатории доктор Зло.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	62
Глава 7	78
Глава 8	85
Глава 9	97
Глава 10	105
Глава 11	111
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Инна Балтийская

Телегония, или

Эффект первого самца

Глава 1

«В тихом городке С-ке второй год бушуют африканские страсти. На сей раз городок потрясла трагедия, достойная пера Шекспира.

В ночь на третье декабря у миловидной русоволосой Натальи Дубровиной родился сын. Крепкий малыш, весом в три с половиной килограмма, здоровенький и горластый. Одна беда – малыш оказался... чернокожим. Вернее, приятного цвета кофе с молоком. Все бы ничего, если бы законным мужем Натальи и отцом ее малыша был негр. Но ее муж, шофер-дальнобойщик Никита Дубровин, выраженный белокожий блондин. И что самое интересное, они очень любили друг друга.

По свидетельству акушерки, когда роженица увидела сына, у нее началась истерика. Она умоляла нянечку забрать ребенка, кричала, что его подменили при родах, что это невозможно... Она отказалась поцеловать младенца и, похоже, всю ночь проплакала в своей отдельной палате. Утром

Никита пришел навестить жену и увидел малыша.

Вероятно, трагедию можно было предотвратить, если бы при этой встрече присутствовал кто-то из персонала роддома. Но муж с женой были в палате одни, не считая несчастного малыша. Он кричал не переставая, но кого в роддоме удивит крик новорожденного?

Когда перед обедом в палату заглянул детский врач, все уже было кончено. Задушенная Наталья лежала поперек кровати, неестественно запрокинув голову, и уже не дышала. Ее муж сидел на полу рядом с кроватью и тихо стонал. Из роддома его увезли в карете психиатрической помощи...

Всякое в жизни бывает, философски вздохнете вы. Да, бывает, что самая любящая жена не выдерживает одиночества и изменяет часто отсутствующему в доме мужу. И не всегда муж прощает измену. Но как далеко надо зайти в своей распущенности, чтобы для похода налево выбрать человека с другим цветом кожи! Тем более в нашем городке таких и не найти, для полноценного загула надо выехать в областной центр, чтобы отловить приехавших из дальних стран туристов.

Тем не менее вашему корреспонденту удалось узнать, что в нашем городке только за последний год еще у двух белокожих родителей родился цветной ребенок. Правда, тогда обошлось без смертоубийства, и потому общественность об этих случаях вовремя не узнала. Пары тихо развелись, маленького мулатика отдали в приют, а узкоглазого китайчонка мать

решилась воспитывать в одиночку».

«С-кий горизонт», 26 июля.

* * *

Я нервно отложила в сторону газету. Ну и накал страстей в этом тихом городишке, Шекспир отдыхает! Впрочем, этого и стоило ожидать, не в одном городе, так в другом. Все тайное рано или поздно становится явным.

Возможно, такое уже происходило в других местах, но так и оставалось навеки в местных летописях. Но теперь скромный городок С-к попал в поле зрения Интерпола. И все, что там происходит, заслуживает самого пристального внимания.

Началось все со смерти французского телемагната Анри Дюсуана. Престарелый владелец десятка телеканалов давно перешагнул тот возраст, за которым всех – и бедных, и богатых – ждет черная фигура со сверкающей косой. Последний год он вообще не показывался в свете, тихо угасая в собственном роскошном доме в обществе вежливых сиделок. Родную дочь и внуку он уже не узнавал. В начале июля магнат скончался, так и не вынырнув из глубин помраченного сознания. Его дочь Жаклин приехала в поместье, чтобы вступить в права наследства. Но тут ее ждал сюрприз.

На следующий день после смерти мсье Дюсуана в парижский суд поступила исковое заявление от некоей Татьяны Ро-

машовой из российского города С-ка. Российская гражданка утверждала, что год назад родила от престарелого богача дочку. И на этом основании претендовала ни больше ни меньше на половину оставленного наследства.

Жаклин Дюсуан лично встретилась с Татьяной. Ромашова остановилась в дешевом хостеле на окраине Парижа и произвела на утонченную француженку отталкивающее впечатление. Уже не очень молодая, полная тетка с пережженными пергидролем белыми кудрявыми волосами была одета в простое, мешковатое, серое платье, на ногах – изношенная чуть ли не до дыр обувь. Но больше всего француженку поразили взгляд странной дамы. В нем смешались вызов, страх и, как показалось Жаклин, немая мольба. Мадам Дюсуан невольно вспомнила, как во время давнего визита в Россию она увидела на улицах Москвы уличную собаку. Небольшая черная шавка смело подошла к группе иностранных туристов и громко залаяла. Гид шикнул на нее, и она подалась назад, поджав хвост, но не перестала вызывающе лаять, не сводя умоляющего взгляда с богато одетых дам.

Откровенного разговора не получилось. Жаклин пригласила странную даму в дорогое кафе, заказала отличное красное вино, но на контакт женщина не шла – односложно отвечала на вопросы, и страх из насупленного взгляда так и не пропал. Да, в течение нескольких месяцев она была любовницей старого пердуна... то есть дорогого мсье Дюсуана. Когда поняла, что беременна, тут же сообщила об этом магна-

ту, а он, козел старый, предложил ей отправляться обратно в свой Мухосранск и забыть о нем. Но не тут-то было! Она знает французские законы, и ее дочка получит все, что ей причитается.

Жаклин пыталась узнать подробности – когда и где Татьяна познакомилась с престарелым Казановой, где проходили встречи... Но каждый раз Татьяна судорожно хватала бутылку и подливала себе коллекционное бордо в хрупкий стеклянный бокал. А под конец заявила, что ей надоел этот допрос, резко оттолкнула столик, чуть не пролив остаток вина на Жаклин, и, громко икнув на прощанье, вышла из кафе.

Поскольку речь шла о миллионах евро, дело получилось громким. И охрана магната, и ухаживающие за стариком сиделки уверяли, что ни о каком романе, тем более о сексе, в последние годы жизни магната не могло быть и речи. Татьяна Ромашова настаивала на независимой экспертизе ДНК. Ее сделали в лучшей парижской лаборатории, и результат недвусмысленно подтвердил: девочка рождена именно от месье Анри Дюсуана. Половину наследства незаконная дочь не получила, но несколько миллионов ей присудили. К удивлению семейства Дюсуан, Ромашова тут же обналачила деньги и исчезла из Парижа так же незаметно, как и появилась.

Прошло полгода, и новое громкое дело всколыхнуло теперь уже Англию. На сей раз скромная российская медсестра Надежда Котеночкина претендовала на наследство недавно

умершего от СПИДа актера – сэра Патрика Холмса. В качестве веского аргумента она предъявила суду полугодовую дочку актера. На кону опять же были миллионы – старинный замок, большие счета в банке... Тем более, что Холмс был гомосексуалистом, жен и детей не имел, так что медсестра получала все.

Опять же, вся родня и все друзья актера клялись в суде, что у законченного гея сэра Патрика не было и быть не могло связи с женщиной. Но экспертиза ДНК подтвердила родство. Как только решение суда вступило в силу, Надежда Котеночкина выставила на продажу поместье, сняла со счетов деньги и вернулась в Россию. Разумеется, все в тот же тихий, затрапезный городок С-к. А безутешные родственники актера обратилась в Интерпол.

Оснований для возбуждения международного уголовного дела пока вроде бы не было. Да, налицо два странных случая появления внебрачных детей у людей, которые, казалось бы, к деторождению не способны. Но это не криминал. Тем не менее Интерпол отправил запрос в российское посольство, чтобы уточнить некоторые спорные моменты. В частности, когда и на какой срок выезжали во Францию и Англию гражданки Ромашова и Котеночкина. И получили неожиданный ответ: впервые упомянутые гражданки выехали из родной страны лишь на судебные заседания по поводу наследства.

Вот тут Интерпол заинтересовался делом всерьез. Получался интересный парадокс: престарелый французский теле-

магнат и тяжелобольной английский актер много лет не покидали свои страны. Дамы, родившие от них детей, в свою очередь, не покидали Россию. Где же они пересеклись?

К экспертизе был привлечен известный французский генетик мсье Лемерье. Заинтересовавшись необычным делом, в начале апреля 2010 года он храбро поехал в тихий, провинциальный С-к. В городок он прибыл поздним вечером. По просьбе Интерпола на вокзале его встретили коллеги из местной милиции, довели до гостиничного номера и оставили отдыхать с дороги, пообещав ранним утром вернуться и сопроводить мсье к интересующим его гражданам.

На следующее утро, как и было обещано, к номеру генетика прибыл наряд милиции. В местной гостинице все было тихо и мирно, окна и двери заперты на надежные запоры, внизу смачно похрапывала консьержка. В номере генетика на круглом столике у окна стояла чашка недопитого чая, возле кресла приткнулся раскрытый чемодан, на аккуратно застеленной кровати лежала раскрытая книга о парадоксах наследственности. Вот только самого мсье Лемерье в номере не оказалось.

Глава 2

Джордж Форос задумчиво смотрел на себя в зеркало. Старость не щадит никого. Все его деньги, огромные деньги, не могли продлить работу изношенных органов. Пересадка? Но после нее надо пить сильнейшие лекарства, понижающие иммунитет, иначе организм отторгнет чужеродный белок. А он не вынесет никаких лекарств. Бессмертия ему не достичь, не купить даже ценой всего своего капитала. Хотя... То, что ему недавно предложили, стоит его внимания. Он сначала не поверил – ведь такие опыты шли уже давно, но всегда, каждый раз кончались неудачей. Но ему обещали доказательства. Серьезные доказательства, против которых нечего будет возразить.

* * *

Наверное, каждому из нас случалось встретить в родном городе двойника. Сначала мы равнодушно проходим мимо незнакомого человека, затем вздрагиваем и оглядываемся. Как правило, встреченный незнакомец тоже глядит нам вслед, и во взгляде недоумение и легкий страх. Еще бы – до сих пор эти черты отражались лишь в зеркале. Но ступор длится недолго – каждый из вас успешно уверяет себя,

что это лишь наваждение, кратковременный глюк. И на самом деле особого сходства между вами нет. Кстати, обратите внимание – в чужом городе шансы на встречу с двойником практически равны нулю.

И в глубине истории случались встречи двойников. Правда, заканчивались они всегда трагично.

Но исторические загадки, не имеющие объяснения, веками будоражили воображение людей. И мои статьи на эту тему вызвали большой резонанс в Европе и открыли мне дорогу в научный мир Франции. Именно они привлекли ко мне внимание Интерпола.

Дело в том, что после пропажи несчастного мсье Лемерье интерполовцы оказались в дурацком положении. Разумеется, под угрозой международного скандала на ноги была поднята вся городская милиция, затем ей на подмогу приехали высшие чины из областного центра, а потом и следственная бригада из самой Москвы. Приезжали и представители российского Интерпола, и даже бригада их французских коллег. Прочесали буквально весь город, но никаких следов несчастного ученого так и не нашли. Пропавшим ученым заинтересовалась французская пресса, и около месяца первую полосу «Гардиан» и других серьезных газет украшали заголовки типа: «Известный ученый исчез прямо из гостиницы», «Жив ли мсье Лемерье?», «Никаких следов генетика найти не удалось». Бульварная же пресса вспоминала детективы с запертой комнатой и даже бригантину «Марию-Селесту», кото-

рую в 1872 году обнаружили посреди моря с накрытым в кают-компании столом, но без экипажа на борту. Как известно, разгадать эту загадку не смогли за два прошедших века.

После всех этих публикаций провинциальный городок Ск приобрел славу российского Бермудского треугольника, и все более-менее вменяемые генетики из Европы и Америки наотрез отказались туда приезжать. Но всем было понятно, что дело тут не чисто и необходима повторная экспертиза. Пришлось обращаться к российским ученым. И вот тут вспомнили обо мне.

Я вновь перечитала документы, присланные Интерполом. Да, можно считать доказанным, что в последние несколько лет россиянки никак не могли встретиться со своими иностранными любовниками. И, по логике Интерпола, никак не могли зачать от них детей. Тем не менее эти дети были зачаты и независимая экспертиза подтвердила родство! Причем экспертиза не российская – ее-то можно было обвинить в продажности, а родная, англо-французская экспертиза!

И вот теперь заграничным умникам приходится обращаться к российскому генетику, мадам Неждановой. Я с удовольствием повторила последние слова вслух. Да, все же я многого достигла к 35 годам! Бывшие одноклассницы мне завидуют и при редких встречах даже не скрывают этого. Муж влюблен в меня со школьной скамьи, у нас двое прекрасных сыновей, я занимаю престижную должность в научном институте, у меня громкие звания, статьи в популяр-

ной прессе, и даже Интерполу без меня никуда. Истериический смех душил изнутри, вырываясь наружу нервным хихиканьем. Карьера удалась, что уж тут скажешь! Только вот зачем она мне?

А ведь так хорошо все начиналось. Биофак, крупная научная лаборатория, где стажировалась, аспирантура, кандидатская степень... У меня не было волосатой руки наверху, но и в биологию рвалось не так много девушек, и ученые мужи почему-то относились ко мне с явной симпатией. Так что я быстро прошагала вверх по узким крутым ступенькам высшего образования и наконец попала в лабораторию к профессору Даниилу Конькову.

Профессор занимался влиянием высоких температур на раковые клетки. Было установлено, что при температуре выше сорока двух градусов они гибнут. Проблема состояла в том, что при этой же температуре гибли и все остальные клетки живого организма. Необходимо было найти зазор буквально в сотую долю градуса, так чтобы здоровые клетки выживали, а измененные – нет. Искать этот зазор поручили мне.

Исследование тянуло на полноценную докторскую диссертацию, и я проводила в лаборатории дни и ночи. В конце концов нужная температура была найдена, я лично провела не меньше сотни экспериментов, в ходе которых убедительно доказала, что при нагревании в термальном ванне погибнут только пораженные клетки. Потом провела три де-

сятка опытов на лабораторных мышах. И вот было решено провести эксперимент на реальном больном. Четвертая стадия опухоли прямой кишки, метастазы – шансов выжить у него не было. Он подписал все нужные бумаги, снимая с меня ответственность, и мы приступили.

В присутствии десятка экспертов несчастному больному дали наркоз и погрузили в термальную ванну. Включили термостат, и через несколько минут из ванны пошел густой пар. Я вскочила, что-то выкрикивая, но было уже поздно. Этого просто не могло произойти, но... Он сварился в этой ванне.

У меня начался такой нервный срыв, что родители вместе с удрученным профессором отправили меня от греха подальше в крымский санаторий, где лечились такие же нервно-сорванные. А пока я отдыхала от психической травмы и в кошмарах видела поднимающееся из кипящей ванны обваренное тело, остаткам моего душевного здоровья был нанесен новый, не менее сильный удар.

Мой жених Игорь, тоже выпускник биофака, работающий в соседней лаборатории над проблемами наследственности, решил отказаться от сомнительной невесты. Тем более на подходе была несомненная удача – дочка того самого профессора Конькова, двадцатилетняя студентка биофака Илона.

Игорь прислал в мой нервный санаторий письмо. В нем он подробно расписал охватившее его негодование, когда он узнал о кошмарном происшествии. Еще бы, сварить живого

человека – такого себе не позволяла даже средневековая инквизиция! Разумеется, чувствительная натура, каковым является он, Игорь, никак не может вынести общения с такой законченной садисткой, как я. Поэтому он убедительно просит не звонить ему и не присылать эсэмэски, а то даже от воспоминаний обо мне у него поднимается давление и трясутся руки.

Я усилием воли отогнала мерзкое воспоминание и рывком поднялась на ноги. Ничего, я все выдержала, я не попала в психушку, я сильная, я собой горжусь. Скинув домашний халатик, непослушными руками попыталась натянуть на себя узкую серую юбку. Руки тряслись, юбка, казалось, сопротивлялась изо всех сил, боковые швы угрожающе трещали. Я рванула посильнее, и непослушная шмотка ответила радостным треском ткани. Ну вот, парадный наряд разошелся по швам. Подшивать уже некогда, придется вместо элегантного делового костюма надевать привычные джинсы и свитер. Тот в институте удивятся.

Я приехала в институт почти без опоздания. Прошла в свою лабораторию, достала последние отчеты по проблемам наследственности. На глаза попала яркая розовая обложка маленькой книжки: «Любовь побеждает смерть». Да-да, это смешно, но на жизнь я зарабатывала не столько наукой, сколько нелепыми романчиками про огромную любовь. В них кареглазый герой с копной непокорных черных волос, так похожий на моего Игоря, спасал возлюбленную от раз-

ных нападений. И остановить его не могла даже смерть – он возвращался на землю в виде привидения. И уж тогда врагам героини точно было несдобровать.

Разумеется, я не позорила свою славную научную фамилию. Розовые книжонки были подписаны псевдонимом Аманда Бредшоу. Вот уж поистине бред-шоу. В реале кареглазый мачо давным-давно забыл про погибающую героиню, женился на миловидной толстушке, сделал неплохую научную карьеру и, кстати, сам изрядно располнел. Превратиться в привидение ему явно не грозило. Как говорится, не в этой жизни.

Сунув неуместную при серьезном разговоре книжицу в стол, я наткнулась на письмо от своего давнего оппонента – профессора Самойлова. В очередной раз он наголову разбивал мои доводы о приоритете наследственных признаков над приобретенными. По версии Самойлова, генная инженерия шагнула так далеко, что особого значения наследственность уже не имела. Я была куда более скромного мнения об успехах геномной инженерии и писала в ответ язвительные письма, предлагая оппоненту доказать свою теорию делом, превратив какую-нибудь кошку пусть в самую захудалую, но собаку. Он отвечал, что такие простые эксперименты давно его не интересуют. Преодолеть такой простой межвидовой барьер совсем не сложно. Котопсы давно существуют и бродят по его дому, и теперь он проводит намного более сложные опыты.

Наша переписка длилась уже несколько лет и периодически попадала в популярные журналы, но самого Самойлова я не видела ни разу. Говорили, что когда-то он преподавал генетику в двух московских университетах, но после какой-то личной трагедии ушел от мира и теперь в полном одиночестве живет где-то в Швейцарии, в горах, где и проводит смелые опыты по скрещиванию разных видов живых существ.

В Швейцарии Самойлова действительно очень уважали, постоянно печатали его труды и давали огромные гранты на исследования, но вот жил ли он там – для всех оставалось загадкой. Как, впрочем, и суть его экспериментов. Результаты своих опытов он никому не предъявлял, и потому его смелые заявления не вызывали у меня ровным счетом никакого доверия.

Задумчиво просмотрев письмо, я положила его на место и взялась за отчеты. Но читать их пришлось недолго. Ровно в 15.00 по московскому времени дверь отворилась и вошел невысокий полный мужчина в костюме-тройке. Даже если бы я не знала, что этот господин приехал из французского Интерпола, догадалась бы по тому, как при виде меня его лицо расцвело от неземного восторга. Церемонно поклонившись, на правильном русском языке с чуть заметным акцентом он представился мсье Дрюоном и сообщил, что счастлив познакомиться со столь очаровательной дамой и его счастье не может затмить даже то, что повод для свидания не такой уж веселый. Я предложила визитеру стул, села напротив и приго-

товилась слушать.

– Мадам Нежданова, я бесконечно благодарен за то, что вы согласились уделить мне немного вашего драгоценного времени! – По вкрадчиво-ласковому тону этого мсье было похоже, что я согласилась как минимум на сеанс орального секса. – Я даже не мог рассчитывать на такую любезность! Но значит ли это, что наше маленькое дело вас заинтересовало?

– Значит. – Я не хотела быть невежливой, но времени у меня действительно было мало и не хотелось его расходовать на бессмысленную светскую беседу. – Я заинтересовалась.

– Думаю, вы понимаете, какой вклад в науку сможете внести, согласившись на наше предложение, – уже более деловым тоном сказал визитер. – Это дело принесет вам всемирную известность! Ваше имя впишут золотыми буквами в анналы истории!

«Скорее криминалистики, – подумала я. – Стал бы он заботиться об истории или о науке».

– Что конкретно вам от меня нужно? – мой тон стал еще суше.

Мой визави погрузился и безукоризненно деловым тоном изложил свою просьбу.

Оказывается, Интерполу нужно от меня совсем немного. Я должна взять отпуск за свой счет («Разумеется, мы все оплатим, вы не беспокойтесь!») и отправиться в городок С-к. Там под прикрытием местной милиции надо отыскать гражданок Ромашову и Котеночкину и уговорить их пройти еще

одну генетическую экспертизу вместе с грудными детьми. Результаты этой экспертизы, оформленные официально, и должны обессмертить мое имя и внести его в разные анналы.

– А если женщины откажутся проходить новую экспертизу? – задала я вертевший на языке вопрос. – Наследство они уже получили, и заинтересованности в новых разборках у них явно нет. Их ведь нельзя заставить? Получается, я поеду напрасно?

– Мы очень надеемся на наших русских коллег, – спокойно ответил француз. – Мы знаем, что они умеют правильно работать с населением. Им не отказывают.

– А почему вы не едете туда сами?

– Но Интерпол не может отправить туда официального представителя, – объяснил мсье. – Наши офицеры работали там два месяца после пропажи мсье Лемерье, но безуспешно. А дело по незаконно полученному наследству пока не открыто, поэтому допрашивать наследниц мы не можем. Есть только разные сомнения. Вот если они подтвердятся, мы откроем дело и в игру вступит наше российское отделение. Но, может, вы боитесь? Уверяю, я ни за что не подверг бы такую очаровательную даму малейшему риску. Мир не простил бы мне такого. Если вам покажется – о, только покажется! – что вам угрожает малейшая опасность, вы сообщите лично мне. Или вашему прикрытию там, в городе. И мы пришлем нашего человека на помощь, даже если придется сделать это неофициально. Вы не останетесь одна!

Я задумалась. Злополучному генетику мсье Лемерье местная милиция не помогла, так что такая уверенность в моей безопасности не слишком понятна. Впрочем, если уж не помогут местные, вряд ли спасет человек из Москвы или Франции. С другой стороны, я не единственный генетик в Москве. Зачем галантным французам обращаться к женщине? Я задала этот вопрос мсье Дрюону и тут же пожалела об этом. В течение нескольких минут я выслушивала восторженные панегирики своему ясному уму, здравому смыслу, огромному научному опыту, редкой храбрости и опять же неземной красоте. Выходило, что такого светоча науки не то что в России, но и во всем мире невозможно отыскать. И посему именно мне надо ехать в опасную командировку.

Все так же спокойно я повторила вопрос. Да, я довольно известна в научном мире, но все же – почему Интерпол не может послать в городок французских или английских ученых?

Еще более погрузнев, мсье Дрюон признался: Интерпол обращался во французскую Академию с такой просьбой. Но все ведущие французские генетики дружно отказались ехать в дикий город, откуда бесследно исчезают ученые. Возможно, за большие деньги они бы согласились, но Интерпол – не сообщество шейхов, золотые горы обещать не может. И самое главное, он не может гарантировать иностранным ученым полную безопасность в чужой стране. Нужен ученый из местных, который хорошо знает российские реалии. А в Рос-

сии исследователь такого уровня – я одна.

Мне безумно захотелось поехать. Кажется, я знала тот секрет, который не давал покоя Интерполу и генетикам из Парижа. Я знала, каким образом женщины родили детей от мужчин, с которыми не общались несколько лет! За последние годы я написала на эту тему несколько научных статей, которые опубликовали лишь узкоспециальные издания в Москве. Но необходимых доказательств у меня тогда не было, а вот после этой командировки вполне могли появиться.

С другой стороны, несчастный французский генетик пропал бесследно. Вполне вероятно, кто-то в городке очень уж не хотел проведения этой самой экспертизы...

Не в силах принять окончательное решение, я попросила пару дней на размышления. После нового приступа славословия в мою честь разрешение было получено и мсье Дрюон удалился. А я осталась сидеть, удивляясь самой себе. Ну почему я сразу же, услышав суть предложения, не послала галантного француза куда-нибудь в С-к или еще дальше?

Но ничего, еще не поздно это сделать. Завтра же я откажусь от столько лестного предложения, пусть ищут другую дуру. А я буду спокойно писать свои книжки и попутно исследовать парадоксы генетики по диссертациям таких же кабинетных ученых. Да сколько же можно сидеть в кабинете! Я могу сделать великое научное открытие, да что там, я его почти сделала! И только трусость может помешать мне до-

быть нужные доказательства.

Неожиданно накатила усталость. И, как много раз за последние годы, захотелось уехать куда глаза глядят, оставив все, что было, в прошлом. Хотя что я такое несу? Как можно оставить маленьких сыновей? Я же их люблю. А мужа? Нет, ему я просто благодарна.

Собственно, именно мужу я была обязана степенью доктора наук. Пока я «отдыхала», в институте срочно подписали приказ о сокращении моей ставки. Правда, при обследовании ванны оказалось, что виноват терморегулятор, проверять который должен был мой заведующий. Но не его же наказывать? Проще избавиться от меня. К счастью, мне об этом сообщили лишь дома. Когда то, что от меня оставалось, привезли из санатория на родину, именно Ромка собирал меня по кусочкам заново. Самым горячим его желанием было немедленно покалечить Игоря, но от этого мне удалось его отговорить. Зато к профессору Конькову он пошел, не предупредив меня об этом.

Разумеется, он беседовал с профессором тет-а-тет не на кафедре, а в полутемном подъезде профессорского дома. Легенда гласит, правда, что беседа проходила в обстановке не совсем полной приватности, то есть профессор-то был один, зато с Ромкой пришли двое его дружков. Результат переговоров впечатлял: приказ о моем сокращении был уничтожен и меня просто перевели на другую кафедру. Вернее, обменяли на моего бывшего жениха. Он пошел в помощники к

будущему тестю, а я – на его место, изучать вопросы наследственности.

Время шло, мне стукнуло 26 лет. Кандидатскую диссертацию я защитила, пора было проверять вопросы наследственности на практике. Но кандидатов на эту проверку поблизости не было. Вот только Ромка... Он всегда был рядом. Но раньше я не обращала на это внимания.

Белобрысый Ромка Нежданов был классическим школьным хулиганом. Он шумел на уроках, бил девчонок портфелем по голове, подкладывал кнопки учительнице, а уж по части школьных драк в коридоре ему не было равных. Я же была тихой отличницей, «ботаничкой» во всех смыслах этого слова. Мало того, что зубрилкой и радостью учителей, так еще и биологию любила до умопомрачения. Все живое, неважно, летало ли оно, жужжало, ползало, лаяло или плавало, вызывало у меня умиление и горячее желание обогреть и защитить.

В седьмом классе у нас с Ромкой наступил конфликт интересов: его интерес состоял в том, чтобы бросать девчонкам за шиворот дождевых червей и радостно ржать, когда они с визгом носились по классу. А мне было жаль не столько глупых девчонок, которые боялись прекрасных извивающихся созданий, сколько гибнущих из-за Ромки червяков. И я, преодолевая страх перед хулиганом, кидалась в драку, пытаюсь спасти Божьих тварей от грубого монстра.

В этих боях без правил я заработала кучу синяков и ши-

шек, но и Ромкиной морде досталось изрядно. Ногти у меня были короткие, зато острые и крепкие. Наша война длилась около недели, а затем наш Великий и Ужасный хулиган, гроза девчонок, в меня влюбился. Недолго думая, он пересел на парту позади меня, постоянно дергал за косички или запускать мне в волосы больших майских жуков. Жуков я не боялась, но то, что в моих волосах они путались и ломали, пытаясь взлететь, крылышки, приводило меня в ярость. Я вновь кидалась в драку, но Ромка уже не давал сдачи, только со смехом уворачивался от моих острых коготков.

После восьмого класса он ушел в ПТУ, и майским жукам больше ничего не грозило. Зато почти каждый вечер он околачивался возле моего подъезда с неизменной папироской в зубах и кульком леденцов, подозреваю, одних и тех же, поскольку я подношения не брала. Назойливые ухаживания бывшего школьного хулигана бесили меня даже больше, чем жуки в волосах. Но никаких намеков Роман не понимал и даже на откровенное хамство снисходительно цедил сквозь зубы: «Ну-ну, все вы, девчонки, сначала ломаетесь. Мне пацаны и не такое рассказывали. Потом сама за мной бегать начнешь».

Так и не дождавшись обещанного дружками триумфа, Роман отбыл в армию. Оттуда писал мне письма, на которые я не отвечала. Хотелось бы сказать, что даже не распечатывала, но увы... Любопытство наряду с польщенным самолюбием сделало свое дело, и письма я читала, и даже не в одиноч-

ку. Кружок из закадычных подружек собирался у меня каждую субботу, и гвоздем программы было зачитывание писем Романа. С непередаваемым выражением, подражая телехулиганам, я тянула: «Вероничка, я все время думаю о тебе. Наверное, я как-то неправильно за тобой ухаживал. Но время еще есть, правда? Я скоро вернусь и все исправлю».

Девчонки хохотали, а я казалась себе такой крутой, что завидовали вареные яйца. И только получив в санатории гнусное письмо от любимого, я внезапно вспомнила об этих субботних чтениях. И меня затошнило от отвращения к себе. Тогда я впервые подумала, что жестокость всегда возвращается...

Глава 3

Возвращаясь домой, я уже знала, что завтра отвечу мсье Дрюону согласием. Пора было что-то менять в жизни. Конечно, я не впервые уезжала из Москвы. Научные конференции и семинары позволяли развеяться, и, разумеется, я охотно принимала в них участие, особенно если ехать приходилось в другую страну. Благо за детьми присматривала отличная няня. Но вот опасная для жизни поездка мне предстояла впервые. Надо было как-то объяснить Роме, зачем я туда еду.

«Ну, во-первых, не так уж там и опасно, – заранее репетировала я оправдательную речь. – Во-вторых, меня будет беречь местная милиция. Да и вообще, от кого, собственно, охранять? От женщин с грудными детьми? Конечно, теперь у них есть деньги, и немалые, но вряд ли они совершенно озверели и нападают на любого, кто к ним приблизится». – «Ты прекрасно знаешь, там опасно, один ученый там уже пропал, – невольно возражала я себе. – Хотя... Кто сказал, что его исчезновение связано с тем делом, из-за которого он приехал в городок?»

Вполне возможно, француз познакомился в гостинице с местной жрицей любви и отправился к ней в гости. Не мог же он отказать даме! А дама, в свою очередь, слегка переборщила с клофелином, когда поила шампанским богатенького французского Буратино. Разумеется, труп иностранца

ей был не нужен, и она вместе с сутенером отвезла бедолагу в какое-нибудь местное болотце. И пропал известный ученый не за понюшку табаку...

Но я в гости к проституткам не хожу, да и местный мачо меня вряд ли прельстит. Так что для меня городок С-к ничуть не опаснее той же Москвы.

Успокоив себя таким образом, я встретила вернувшихся из садика детей, на кухне накрыла стол к ужину и села ждать возвращения законного супруга. Как назло, он где-то задерживался и на мои настойчивые телефонные звонки лишь сердито бурчал что-то в трубку и нажимал отбой. Дети капризничали, старший отказывался есть полезную гречневую кашу, а вместо нее просил вредную картошку фри, младший требовал немедленно пойти в спальню и извлечь из-под кровати спрятавшегося там домовенка Кузю. Мы втроем долго искали в спальне Кузю, затем младший расплакался и от ужина отказался вообще. Старшего после долгих уговоров удалось накормить омлетом. За всеми хлопотами я немного отвлекалась от продумывания предстоящего разговора и спохватилась лишь в половине десятого, когда решила укладывать детей в постели, а они требовали папу и отказывались ложиться, не пожелав ему спокойной ночи.

Приехал папа лишь в начале двенадцатого, когда дети давно спали. С одной стороны, это было лучше – мы могли спокойно поговорить. С другой стороны, я отчаянно трусила. Рома всегда досконально узнавал все про ту страну, куда я

ездила на свои конгрессы. Что будет, когда он узнает, что меня нелегкая понесет в Мухосранск?

Непривычно суетясь, я бросилась Ромке навстречу, помогла размотать с шеи тяжелый полосатый шарф и поманила пальцем на кухню. Разговор мог пойти не так, как мне того хотелось бы, поэтому я предпочитала находиться подальше от спящих детей. Муж вошел на кухню и привалился плечом к холодильнику, с явным подозрением глядя на меня.

Ромка, на мой взгляд, не очень изменился со школьных времен. Такой же малорослый, разве что плечи стали пошире да постоянно прищуренный взгляд – чуть пожестче. Да еще усилилась какая-то блатная пластика в движениях. Даже во время мирной беседы мне всегда казалось, что еще чуть-чуть, и он разъярится, смачно сплюнет на землю и выдернет откуда-нибудь из кармана финку-выкидуху. Не о таком семейном счастье я когда-то мечтала...

Закончив ПТУ, он тут же угодил в армию. Отслужив, сначала устроился охранником в супермаркет, потом охранять чужое добро ему надоело и он сколотил нечто, что в те времена называлось организованной преступной группировкой. Она крышевала небольшой винно-водочный магазинчик в нашем районе и докрышевалась до того, что магазинчик стал собственностью Ромки. Куда делся прежний хозяин, я так и не рискнула спросить. Вполне возможно, в один прекрасный день он обнаружил себя закатанным в бетон в соседнем гараже. С тех пор с преступным прошлым Ромка завязал и

с гордостью именуется себя бизнесменом. А его дружки охраняют магазинчик от поползновений других потенциальных бизнесменов...

Откровенно говоря, бизнесмен из Романа получился никакой, куда хуже, чем хулиган. Особых денег у него нет, а те, что есть, он тратит в основном на выпендрож. Купил красный BMW-X6, щеголяет в пиджаках от Армани, которые идут ему, как корове седло, и носит большую золотую цепь, давно вышедшую из моды даже у братков. На эти понты ушли все деньги, заработанные непосильным трудом. Еще и в долг брать пришлось. Поэтому на бензин и прочие мелкие бытовые нужды нашей семьи зарабатываю я. Получаю гранты от международных организаций на свои опыты по генетике и кропаю дурацкие любовные романчики. А что поделаешь? Жить захочешь – и не так раскорячишься. Хорошо, что хоть трехкомнатная квартира в Кузьминках мне досталась от родителей. Они переехали к какой-то родне в Псков, вроде к корням потянуло. На самом деле, мне казалось, что они меня слишком сильно жалеют, чтобы оставаться рядом...

Невеселая получается сказочка. Учились когда-то в школе барышня и хулиган, росли-росли и превратились в итоге в сладкую парочку – профессоршу и бизнесмена. Жизнь как бы удалась, я – воплощенная мечта всех читательниц глянцевого журнала. Мне удалось совместить успешную карьеру с семейным счастьем. И больше всего на свете мне хочется начать жить заново.

Усилием воли я прогнала невеселые мысли и стала в красках расписывать, какими необыкновенными открытиями могу обогатить науку после поездки в С-к и как это в будущем прославит Ромкину славную фамилию.

– Ника, ты не должна туда ехать. – Выслушав мою пламенную речь, Ромка еще больше напрягся. – Ты всего лишь баба. Умная баба, но... Нечего тебе там делать!

Я вновь начала свою речь. Объяснила, какого рода экспертизы от меня ждут, как нужна Интерполу моя помощь. Муж выслушал меня до конца, не перебивая, и, лишь когда я выдохлась, вновь твердо сказал:

– Вероника, я тебя туда не пущу.

От неожиданности я подавилась уже готовым к озвучиванию третьим вариантом своей речи и замерла в праведном возмущении. Ну это – ни в какие ворота! Что, Роман Петрович, решили поиграть в домострой? Фиг вам! Я молча развернулась, ускоряя шаг, прошла мимо мужа и почти вбежала в спальню. Рывком распахнула зеркальные двери шкафа, стащила с верхней полки большой дорожный чемодан. Рома прошел за мной и грузно плюхнулся на аккуратно застеленную постель. Он молчал, пока я второпях кидала в раскрытую пасть чемодана попавшуюся под руку одежду. От его молчания я нервничала все больше. Когда немая сцена стала мне надоедать, я развернулась к мужу:

– Рома, я на днях уезжаю, не мешай собираться!

Он сидел сгорбившись и как будто слегка вздрогнул от мо-

их слов.

– Вероника... – Теперь его голос звучал как-то неуверенно. – Скажи честно... Ты от меня сбегаешь? Может, ты хочешь развестись?

Я в оцепенении устала на мужа, ненужная юбка вывалилась из моих рук. Нет, я наверняка ослышалась, он не мог такого сказать! Кто угодно, только не Ромка! Он же меня любит, все эти годы любил, он за меня жизнь бы отдал... Или нет? Зачем же я за него вышла? Зачем все эти годы жила с человеком, которому не очень-то и нужна? Я его никогда не любила, но я провела с ним столько лет, родила ему сыновей... В груди как-то странно похолодело, словно там мгновенно образовалась льдинка. Вся моя нелепая семейная жизнь была напрасной, я никому не нужна, даже Роме. Он меня не любит.

Я села прямо на пол и заревела. Никому я не нужна, никому. Когда-то, в 25 лет, меня бросил любимый. Сейчас, десять лет спустя, меня бросает муж. Вот и все, жизнь закончена.

Насмерть перепуганный Ромка бросился меня утешать. Сквозь рыдания я прошептала:

– Рома, у тебя появилась другая?

Еще полчаса я выслушивала клятвы в верности и вечной любви. Заодно добилась и разрешения на странную поездку. Но эту ночь я почему-то провела без сна...

Глава 4

Алена Румянцева проснулась от собственного крика. «Надо же, всего пять утра!» – удивилась она. Обычно ей удавалось поспать хотя бы до семи, но тревога все сокращала время сна. Долго ли она выдержит такую жизнь? И что произойдет раньше – кончатся деньги или окончательно сдаст психика?

Алена понимала, что заснуть уже не получится, поэтому встала с постели и, не включая свет, осторожно выглянула в окно: никого, даже голуби еще не проснулись. Ну что же, эта квартира пока достаточно безопасна. Она включила телевизор, но по всем каналам шли повторы вчерашних передач, и она с досадой нажала на кнопку.

Стопка книг на подоконнике тоже раздражала. Любимые прежде детективы и триллеры читать она не могла – нервная система не позволяла. Дамские романы ничего, кроме презрения, не вызывали. Наслаждаться прозой Дины Рубиной не было настроения. Его вообще теперь не было. Единственное, что ей хотелось, – отмотать время на два года назад. Уж теперь-то она ни за что не согласилась бы на предложение Стаса.

Но в свое время это предложение казалось таким заманчивым! Провинциальная девочка Алена приехала в Москву, надеясь поступить в МГУ. В родном Дубровске она окон-

чила школу с золотой медалью, и поступить в самый престижный университет страны казалось ей делом плевым. Разумеется, она срезалась на первом же экзамене и, как и другие провалившиеся провинциалки, совершенно потерянная, бродила по Москве, не понимая, что ей теперь делать.

Но Алена была девушкой неглупой и предприимчивой. Не удалось поступить в МГУ? Ну что же, есть вузы попроще. Прием документов почти всюду был уже закончен, но ей удалось поступить на вечернее отделение иностранных языков в небольшой педагогический вуз, не пользовавшийся у коренных москвичек спросом. Разумеется, она не собиралась работать в школе, но надо же было закрепиться в Москве.

Устроившись в студенческом общежитии, она тут же стала искать работу на телевидении. На главные каналы Алена разумно не претендовала, и довольно скоро ее взяли ассистентом режиссера на какой-то небольшой кабельный канал.

Жизнь в столице налаживалась, хоть зарплата была минимальной. На учебе Алена особо не напрягалась и через год уже начала мечтать о том дне, когда родной канал доверит ей вести собственное ток-шоу. И тут нарисовался Стас.

Откуда он взялся, Алена точно не знала. Вроде пришел к ним на стажировку или на практику после института. Но он выглядел каким-то слишком взрослым, серьезным для стажировки. Да и не похоже было, что он особенно вникал в тонкости организации ток-шоу. Зато он внимательно приглядывался к Алене. Как бы между прочим заводил разго-

вор об изучении языков, говорил, как хотел бы в совершенстве знать языки романской группы, и как бы в шутку намекал, что не прочь брать у Алены уроки французского.

Через неделю совместной работы Стас пригласил девушку в небольшой ресторанчик. Скупиться он не стал – протянув Алене меню, предложил сделать заказ на свой вкус и ни в чем себе не отказывать. Алена не стала наглеть, заказала пирожное и кофе. Она ожидала объяснения в любви или, на худой конец, в симпатии, возможно, приглашения домой на чашечку водки, но оказалось, у Стаса к ней серьезный разговор.

– Алена, вы уверены, что в этой телекомпании у вас есть будущее? – спросил он, пристально глядя на нее своими выразительными глазами.

Алена долго рассказывала о своих радужных планах, о собственном ток-шоу. Стас внимательно выслушал ее, чуть подумал и спокойно возразил:

– Все это звучит прекрасно. Но! Пока вы живете в общежитии. За него не надо платить. Через три года вы закончите учебу и вам придется снимать жилье. На него будет уходить вся ваша зарплата. И какой смысл будет в вашей работе?

Алена что-то растерянно забормотала в ответ. Ей хотелось сказать, что за эти три года она найдет в Москве богатого жениха или хотя бы человека, который станет оплачивать ее квартиру, но вовремя осеклась. Во-первых, она все еще надеялась на роман со Стасом, во-вторых, боялась, что он

поднимет ее на смех. Не такой уж находкой была Алена для местных олигархов. Высокая, с крупной тяжелой костью и накачанными метанием ядра мускулами, на родине она имела успех у парней, но в Москве не пользовалась популярностью. Олигархам нужны были тощие модели, и Алена понимала, что даже перестань она есть вообще, то и тогда не сможет достичь нужных стандартов – кость не позволит.

– Алена, чтобы закрепиться в Москве, нужны деньги, – продолжал Стас. – И еще нужны связи. Деньги вы можете заработать, а связи даст учеба в МГУ. Туда можно перевестись из вашего вуза, но опять же за деньги. И за большие.

– У меня нет таких денег, – уныло ответила Алена, судорожно пытаясь угадать, к чему все эти разговоры.

Стас хочет предложить ей денег? Но зачем тогда такие долгие предисловия? Она и так бы не отказалась. Или он готовит ее к тому, что эти деньги надо отработать? Но как?

– На панель я не пойду, – с веселой усмешкой, показывая, что шутит, на всякий случай сообщила она.

– А кто-то предлагает? – так же весело откликнулся Стас. – Зачем же так дешево себя ценить? Это при золотой медали за учебу?

Совершенно смешавшись, Алена лишь пожала плечами и уткнулась взглядом в свою тарелку. Все, больше вопросов она задавать не станет. Сам все объяснит.

Объяснение ее поразило. Оказалось, Стас может устроить так, что довольно крупный городской телеканал pošлет ее в

командировку не куда-нибудь в Тмутаракань, а в сам Париж! Вместе с оператором она пройдет по Монмартру, Елисейским полям и возьмет интервью у французского телемагната мсье Дюсуана.

– Но договариваться об интервью придется вам самой, – как о решенном деле, небрежно заметил Стас. – Мсье Дюсуан тяжело болен, он редко выходит из дома и еще реже встречается с журналистами. Но говорят, что он никогда не мог отказать хорошеньким девушкам. А вы совершенно в его вкусе. И отлично говорите по-французски.

За эту поездку в Париж и интервью с тяжелобольным телемагнатом Стас пообещал такой гонорар, что Алена просто ахнула: 50 тысяч евро! Эти деньги решили бы вопрос с переводом в МГУ, да и снимать жилье в Москве на них можно было лет пять.

Девушка лишь ошарашено смотрела на собеседника. Сначала она решила, что это какой-то особо жестокий розыгрыш. Да любая тележурналистка того самого крупного московского канала поехала бы в такую командировку без всякого дополнительного гонорара! Сама возможность посетить Париж да еще покрасоваться на экране в качестве телезвезды была настолько привлекательна...

А Стас все продолжал расписывать те розы, которыми будет усыпан жизненный путь Алены после возвращения. Он обещал лично похлопотать насчет ее перевода в МГУ, узнать, кому давать взятку, и намекал, что после успешно-

го дебюта ее могут заметить на ведущих столичных телеканалах и предложить работу. И она совершенно размякла. Пришлось собрать последние остатки здравомыслия, чтобы спросить: а зачем это надо самому Стасу?

Он сильно смутился, но все же ответил. Достоверный источник сообщает, что мсье Дюсуан смертельно болен, и врачи считают, что он не протянет и года. Наследники собираются выставить его телекомпанию на аукцион. Некий русский олигарх заинтересован в их покупке, но хочет проверить, насколько вложение будет выгодным. Нельзя же в таком серьезном, многомиллионном деле полагаться на единственный источник информации? Поэтому в рамках интервью Алене надо будет задать несколько деловых вопросов. Разумеется, вопросы подготовят заранее, от нее требуется только озвучить. Эти ответы ни в коем случае не войдут в телерепортаж, но именно за них и заплатят гонорар.

– Но почему все-таки я? – уже внутренне согласившись, уточнила Алена.

Еще более смущаясь, Стас сказал, что ему рекомендовали привлечь к делу известную тележурналистку Валентину Маслакову. И он уже собирался приступить к переговорам, когда увидел Алену... И решил, что предложит это задание только ей. Он понимает, что Алена к нему относится лишь как к другу, но надеется, что сумеет завоевать ее симпатию. И потому сделает для нее все, что в его силах, и даже больше.

– Я столичный житель, избалованный маменькин сынок, –

смущенно глядя ей прямо в глаза, сказал он. – И маменькины дочки меня никогда не привлекали. А таких девушек, как вы, в столице нет. Наши фифочки падают в обморок при видедохлой мыши. А вы – настоящая. Я бы с вами в разведку пошел...

– Да-да, знаю, я войду на скаку в избу и остановлю горящего коня, – неловко отшутилась Алена.

– Я не пущу вас в горящую избу, – заверил Стас. – Рядом с вами я чувствую себя мужчиной. Может, перейдем на «ты»?

Вечер закончился в постели Стаса. Тот показал себя любовником высшего класса и, уже засыпая, крепко обнял Алену и прошептал: «Мое солнышко, я тебя люблю. У нас с тобой все будет серьезно».

Алена еще раз подумала, как ей повезло. Этот мужчина стоил больше любого Парижа.

Через несколько дней удостоверение журналистки канала ЗТЗ было готово, загранпаспорт оформлялся в посольстве, Стас был внимателен и предупреждал любое ее желание, и Алена пребывала на седьмом небе от счастья.

Кроме половины гонорара, Стас выдал ей крупную сумму на покупку нарядов, соответствующих ее новому статусу, и целую неделю Алена провела в счастливом шопинге по бутикам, в которые раньше не решалась даже заглянуть. Стас встречал ее по вечерам, иногда они ехали к нему домой, иногда он провожал ее до общежития и подолгу прощался у входа, словно не в силах расстаться с ней.

Иногда в мозгу у Алены словно вспыхивал сигнал тревоги: «Стоп! Остановись, дурочка, все это слишком хорошо, чтобы быть правдой». Но она отгоняла тревожные мысли. Ей было всего двадцать лет, жизнь еще не была ее всерьез, и она была уверена в своей исключительности и неотразимости. Поэтому она радостно кидалась на шею любовнику, когда он раскрывал ей объятия.

И только перед самой поездкой Алена узнала, что ей предстоит сделать во время интервью.

Сначала она перепугалась настолько, что чуть было не отказалась от задания. Но Стас был так убедителен! Он уверял, что ничего противозаконного или вредного для старика Алена не сделает. Всего еще одна проверка данных, которую сделать необходимо. Никто не пострадает, и никто даже не догадается, в чем дело.

– Я не могу сделать это, я боюсь! – плакала девушка. – А вдруг старикан тут же отправится к праотцам, а меня арестуют?

– Вот дурочка, – нежно сказал Стас. – Думаешь, я тебя на роль киллера нанимаю? Не волнуйся, хороший снайпер стоит намного дешевле.

– Я не знаю расценок на киллеров! И потом, если меня арестуют, мои услуги вообще обойдутся бесплатно.

– Аленка, девочка моя, ты мне не доверяешь? – Стас выглядел настолько огорченным, что Алена заколебалась. – Ты всерьез думаешь, что я предложил тебе опасную авантюру?

А я-то, дурак, думал, у нас с тобой полное доверие. Что ты меня любишь... Скажи прямо, ты мне не веришь?

– Не знаю даже... – дрогнула Алена. – А если тебя самого обманули?

– Я понял, – по-деловому подытожил Стас. – Значит, так. Лирику в сторону, аванс в размере половины гонорара я положу на твой счет еще до поездки. Вторую получишь сразу после выполнения задания. Теперь насчет твоих опасений. Пойми, это тоже только информация, которую мы подрядились добыть. Да и зачем кому-то убивать человека, которому осталось прожить от силы год!

Глава 5

На поезд Москва – С-к меня провожали Рома и все такой же элегантный мсье Дрюон. Они помогли занести тяжелый дорожный чемодан в полностью выкупленное для меня купе, потом Ромка о чем-то пошептался с проводницей, после чего та всю дорогу настойчиво предлагала мне то сладкого чайку, то вина, то шоколадных конфет. Но мне не хотелось ни есть, ни пить. От непонятного нервного напряжения меня слегка трясло, хотя, казалось бы, чего напрягаться? На место я приеду часов в десять вечера, на перроне меня встретят местные милиционеры, довезут до гостиницы, там я запрусь на все засовы... Да что это со мной?

Приходилось признать, что я отчаянно трушу. Хотя объяснить, что меня так страшит, я бы не могла. Казалось бы, после того жуткого дня, когда сварился мой пациент, меня сложно чем-либо напугать. Моя врожденная впечатлительность никуда не делась, но ведь поездка в маленький мирный городок ничем, ну абсолютно ничем мне не угрожала!

Сообразив, что повторяю последнюю фразу как мантру, я решила отвлечься. Решительно достала из заплечной сумки ноутбук, открыла свою старую, немного подзабытую уже статью и глубоко задумалась.

«Телегония (telegony) – теория, согласно которой половой

контакт с первым мужчиной влияет на детей, рожденных в результате последующих контактов с другими мужчинами.

Открыл загадочное явление полтора века назад лорд Мортон. Как все англичане, он был слегка помешан на лошадях и поставил перед собой высокую цель – решил вывести породу самых выносливых лошадей. Для этого он скрестил породистую английскую кобылу с жеребцом-зеброй. Разумеется, из-за генетической несовместимости этих двух видов потомства не получилось. Через некоторое время про неудачный эксперимент забыли и эту же чистокровную английскую кобылу скрестили с чистокровным английским жеребцом. В итоге у кобылы родился жеребенок, но... с явно выраженными следами полос, как у зебры.

Лорд Мортон назвал это явление телегонией и предположил, что и в мире людей такое явление тоже должно встречаться. То есть гены людей, с которыми переспала женщина, никуда не исчезают, а остаются в ее теле и влияют на рожденных впоследствии детей. Разумеется, лорд тут же сообщил о своем открытии Дарвину. Великий ученый не на шутку заинтересовался телегонией, но довольно скоро потерял к ней интерес. Дело в том, что повторить эксперимент с зебро-лошадью вторично Дарвину не удалось. А то, что нельзя постоянно воспроизводить в экспериментах, в науке не признается.

В нашем веке в генетике был совершен прорыв, но теория телегонии по-прежнему казалась антинаучной. Не было най-

дено самого главного – того вещества, которое, внедряясь в женский организм, могло изменять код ДНК.

Но в начале 90-х годов прошлого века в Англии началась эпидемия странной болезни. Совсем еще дети, мальчики и девочки, вдруг начинали страдать болезнью, сильно напоминающей старческий маразм. Эта загадочная болезнь за пару месяцев сводила их в могилу. А на вскрытии из юных голов извлекали пораженный мозг, похожий на дырявый российский сыр. Ученые отметили сходство болезни с губчатой энцефалопатией крупного рогатого скота, которая поразила английских коров в 80-х годах XIX века. Заразиться люди могли, лишь поедая мясо больных животных...

И вот тогда американский биохимик Стенли Пруссинер открыл особый белок – прион. Этот белок способен внедриться в человеческий ген и в течение пары лет изменить его так, что он начинает повреждать мозг, буквально проедая его изнутри. Жуткую болезнь называли „коровьим бешенством“, стада несчастных буренок были безжалостно забиты, а Стенли Пруссинер в 1997 году получил Нобелевскую премию. После чего про загадочный прион благополучно забыли».

Последние годы я занималась как раз исследованием приона. Все, что происходит с человеком в течение жизни, записывается на своеобразной карте памяти – измененных молекулах белка. Именно приону мы обязаны памятью предков. Когда информации набирается много, она изменяет ге-

нетический код. Наверняка именно этот зловредный белок содержится в сперме и отвечает за телегонию.

При половом контакте прион внедряется в матку. Если зачатие произошло, ребенок похож на отца, и никто не удивляется этому. Но если зачатие не наступило – прион не исчезает, а тихо ждет подходящего момента. И вот в матку попадает новая сперма – и тут настает час приона с его генетической информацией. Вместе с самым проворным сперматозоидом он попадает в яйцеклетку, и, по сути, в зачатии участвуют трое: женщина и два ее партнера – первый и нынешний.

Для подтверждения этой теории я использовала множество исторических примеров. Но, несмотря на мою известность среди генетиков, брать мои работы по телегонии научные журналы той же Франции не торопились. Серьезные ученые никак не хотели признать мою правоту. Но ничего. Поездка в С-к позволит мне собрать доказательства, которые убедят самых упрямых генетиков, в том числе и вредного профессора Самойлова. Как все же здорово, что я поехала!

От нервного возбуждения у меня окончательно пропал аппетит, и даже коробка любимых шоколадных конфет с ликером не вызывала обычного восторга.

Поезд остановился на нужном полустанке, и радостная проводница под белые ручки высадила меня вместе с моим чемоданом на перрон. Я растерянно вертела головой, пытаюсь найти встречающих с букетами и оркестром. Но темный вечерний полустанок был пуст, лишь сиротливо стоял двух-

этажный деревянный домишко с полустертой светлой надписью «Станция С-кая».

Плотнее запахнув плащ, я уселась на чемодан, пытаюсь привести в порядок свои растрепанные чувства. Поезд ушел, вокзал, судя по темным окнам, уже закрыт. Такси поблизости не видно, да и что им ловить на полустанке, где редко останавливаются поезда? И что же мне делать? Бросить чемодан прямо на перроне и пойти ловить попутку? Или расположиться на ночлег возле железнодорожных касс? А между тем на дворе сентябрь и по ночам температура падает основательно. Положила ли я в чемодан хоть какие-то теплые кофты? Если нет, то ночевка на чемодане меня добьет.

– Вы Вероника Нежданова? – раздался сзади неприветливый мужской голос.

От неожиданности я вскрикнула и вскочила с чемодана. За моей спиной стоял высокий, слегка сутулый, узкоплечий парень, русоволосый, с умным лицом типичного школьного зубрилы. Мешковатый свитер и очки в металлической оправе еще больше усиливали это впечатление. На обычного мента парень походил, как я на самку бегемота. Но кем еще он мог быть?

– Да, она самая, – несколько настороженно ответила я.

– Платон Зубарев, – все так же сухо представился парень. – Мне поручили проводить вас до гостиницы.

Я невольно вспомнила сладкоголосого француза. Вот кого бы во встречающие! А то стою тут навтыяжку перед этим

молокососом... Хоть бы чемодан мой поднял что ли!

Смерив юнца презрительным взглядом, я нагнулась и сделала вид, что отрываю от земли тяжеленный чемоданище. Я вовсе не собиралась его поднимать, наживая грыжу и смещение позвонков, но пусть мальчишку совесть немного помучит. И в самом деле, он резво подскочил ко мне и легко, как пушинку, поднял поклажу. Ого, не такой уж и хлюпик, как мне показалось вначале!

Платон донес до стоящей неподалеку милицейской машины мой чемодан, забросил его в багажник, затем, не обращая на меня внимания, сел за руль и завел мотор. Также не проронив ни слова, я села на заднее сиденье. Понятно, что мне здесь не рады, но я не напрашивалась в командировку в этот Мухосранск! Меня просили, можно сказать, умоляли сюда приехать! Я – кандидат наук, автор десятка серьезных научных публикаций, выступала докладчиком на всемирных симпозиумах... и меня даже не встретили как следует в этом заштатном городке!

Про себя я решила, что из гостиницы тут же закажу билеты на обратный поезд, договорюсь заранее с носильщиком и как можно скорее покину негостеприимный город. Пусть Интерпол уговаривает своих импортных ученых ехать сюда.

Минут через десять машина притормозила возле вполне приличного на вид пятиэтажного здания с голубоватой неоновой вывеской «Гостиница „Рассвет“». Огромный стеклянный холл и декоративные панели придавали захолустной го-

стиничке вполне респектабельный вид. Вокруг на широких газонах цвели роскошные георгины. Я выскочила из машины и, не оглядываясь, двинулась к парадному входу. Чемодан Платон дотащит, никуда не денется, а мне надо торопиться. Может, поезд на Москву пойдет через пару часов и я на него еще успею?

Я вбежала в просторный холл, и с красных кожаных диванов мне навстречу поднялись двое мужчин в парадной офицерской форме и один в штатском. Они двинулись ко мне, и я невольно попятилась к двери.

– Вероника Николаевна Нежданова? – вежливо спросил старший, с большими звездами на погонах.

– Да, – с некоторой опаской подтвердила я.

– Генерал-майор Федор Нечаев, – представился офицер. – Мы с коллегами извиняемся, что не смогли встретить вас у поезда. Небольшой форс-мажор в городе, пришлось экстренную летучку созывать. Но теперь мы в вашем распоряжении. Не желаете пройти в ресторан?

Пришлось согласиться на ресторан. Попросить уважаемых генералов и майоров подождать, пока я умоюсь и переоденусь с поезда, мне почему-то было неудобно. А, ладно, для местного ресторана сойдет и так. Платон уже втащил в холл мой чемодан, получил ключи от моего номера и распоряжение доставить туда мою поклажу. А я с большими милицейскими чинами отправилась в небольшой подвальный гостиничный бар, который мог называться рестораном лишь

в городе С-ке.

Мы очень мило посидели за отдельным столиком с плавающими в низкой круглой вазе зажженными свечами. Нам принесли неплохое жаркое из свинины, французское шампанское «Мартини Асти» и коньяк «Реми Мартин» для мужчин. Кроме генерала, встречать меня приехал непосредственный начальник Платона, майор Александр Федотов, и глава пресс-центра УВД Николай Трофимов. Офицеры сыпали анекдотами и комплиментами, уверяли, что в их городке очень мило и совершенно безопасно и я прекрасно проведу время. Представитель ведомственной прессы почти не разговаривал, и создалось впечатление, что его мысли витали где-то далеко.

Мой настороженный вид так огорчил бравых офицеров, что они пристали ко мне с расспросами, но мои опасения их лишь рассмешили. Майор Федотов заверил, что такого тихого места не сыщешь во всем мире, и в гостинице С-ка я буду в гораздо большей безопасности, чем даже в охраняемой тюремной камере. А походы по городу вообще будут сплошным удовольствием, поскольку мне выделят персонального сопровождающего – лучшего оперативника города, лейтенанта Платона Зубарева. Он будет встречать меня по утрам, возить по нужным адресам, а по вечерам провожать до гостиничного номера, дабы убедиться в моей полной безопасности.

Я попыталась было робко напомнить о печальной судьбе

мсье Лемерье, бесследно пропавшего из этой самой гостиницы, но офицеры посмотрели на меня с таким искренним изумлением, словно я вдруг разделась и сплясала стриптиз прямо на столе. В самом деле, порчу людям настроение и аппетит...

– А что за форс-мажор у вас случился? – больше для поддержания беседы поинтересовалась я.

– Да ерунда какая-то, – поморщился майор Федотов. – Пару недель назад по городу по шли слухи, что завелась у нас целая банда ВИЧ-инфицированных, которые гоняются за людьми с окровавленными шприцами, чтобы заразить побольше народу.

Девушка пошла с подругой в местный кинотеатр на «Черного лебедя», и во время сеанса в темноте ее сзади ткнули в шею иглой. Она вскрикнула, но там же из динамика звук идет, никто и внимания не обратил. Она решила, что это какая-то нелепая шутка, и не стала скандал поднимать. А после сеанса, когда уже свет включили, оказалось, что между ее спиной и спинкой сиденья кто-то подсунул листок бумаги в клеточку, а на нем надпись: «Теперь ты в нашей компании. ВИЧ-инфицированные».

Девчонка сначала к врачам кинулась, те записку нам передали, а что мы сделать можем? Отпечатков пальцев на листке не оказалось, единственная зацепка – почерк. Явно подросток писал, но левой рукой. Хоть городок маленький и школ в нем всего 15, но подростков тысяч пять точно наберется.

Попробуй теперь у всех почерк проверь...

– Но ВИЧ-инфицированных, наверное, намного меньше? – удивилась я. – Их-то легко проверить?

– Да откуда у нас в городе ВИЧ-инфицированные! – рассердился генерал Нечаев. – Тем более среди детей. Хулиганка обычная. Начитались дети в Интернете страшилок, вооружились шприцами и пошли народ пугать.

– Этим случаем дело не ограничилось, – как ни в чем не бывало продолжил майор. – Следующей под иглу попала старуха, которая шла себе спокойно в магазин за молоком. Шприц в нее метнули с нескольких шагов, причем довольно метко – попали в икру. Записка на сей раз была обмотана вокруг выдвинутого поршня шприца.

Бабуся оказалась отличным источником мгновенного распространения информации. Она лично обошла обе местные газеты – ежедневную и еженедельную, наведалась на городское кабельное телевидение, побывала на местном радио. В ежедневной газете появилась большая статья: «Нас заражают СПИДом!» Мол, в городе уже несколько сот ВИЧ-инфицированных, это скрывается от общественности, их никто не лечит, поскольку нужных лекарств и врачей в С-ке нет. Половина из зараженных уже больны СПИДом и обречены на мучительную смерть. А потому злы на весь свет и мстят равнодушным горожанам.

А нападения все не прекращались. На автобусных остановках тыкали шприцами в девочек-школьниц. На сей раз

свидетели были. Они показали, что к девочкам подбегали двое пацанов, на вид лет 16, со шприцем в руке, быстро тыкали девочек в шею иглой и убегали. Все пострадавшие тут же сдавали тест на ВИЧ-инфекцию. Разумеется, зараженных среди них не оказалось. Но разве это людей успокоит? Сначала пошли разговоры, что только через полгода будет правильный ответ, а потом – что врачи специально подделывают результаты, опять-таки для того, чтобы обмануть встревоженных горожан.

– В общем, эти две недели нас всех просто трясло, – продолжал майор. – Уже из области начальство звонило и строго так спрашивало: не нужна ли нам тут помощь? Знаем мы их помощь – строгий выговор или увольнение за несоответствие. И вот как раз сегодня, аккурат перед вашим прибытием, в милицию позвонили и сказали, что группа местных бабушек преследует злоумышленников со шприцами.

Оказалось, малолетние идиоты напали на мирно сидящую на скамейке во дворе дряхлую на вид старушеницу и кольнули ее со всей дури в руку иглой. И не заметили, что к бабке через двор идет компания из четырех вполне бодрых сверстниц. Заметили подмогу лишь тогда, когда старухи подняли свои клюки да зонты и двинулись на них всей гурьбой.

Пять боевых бабок – это почище, чем десант спецназа. Они чуть не выкололи придуркам глаза и мигом загнали их на крышу какой-то многоэтажки. И вот тут боевые действия временно прервались. Залезть через люк на крышу бабки не

смогли, а бандиты добровольно слезать не желали. И весь этот кордебалет происходил на территории нашего отделения.

Вот как нам жильцы того дома позвонили, мы и рванули туда всем составом. Сами понимаете – поймать хулиганов нужно любой ценой, не дай бог уйдут, мы все без погон останемся. А отправлять туда младший состав без присмотра не менее опасно. Начнут по мальчишкам стрелять, уложат при попытке к бегству – не отмоемся потом годами.

Майор Федотов перевел дыхание. Генерал Нечаев добродушно усмехнулся и подлил ему коньку в рюмку. Майор залпом выпил и продолжал:

– И можете нас поздравить, Вероника Николаевна! Обоих взяли живыми! Просто поднялись на крышу через чердачный люк. Пацаны его чем-то сверху заложили, бабулькам-то не справиться, а наши орлы мигом заслонку вышибли.

– И кто эти мальчишки? Точно больные? – спросила я.

– Ага, больные, – подтвердил генерал. – На всю голову отмороженные. Да двоечники, шпана местная. Их из школы за хулиганку вышибли, в армию идти рано, вот прочли в Интернете историю со шприцами, которая во Франции недавно была, и решили приколоться. Мозгов-то кот наплакал. Эх... – Он махнул рукой и залпом выпил до того нетронутую рюмку: – Что с ними делать теперь, ума не приложу. По идее два года условно за такое дают, но ведь не угомонятся пацаны... С условным сроком их еще и в армию не возьмут. Вот вы

человек умный, из самой столицы приехали, подскажите – что с такими делать, а?

Я лишь молча пожала плечами. На мой взгляд, мальчишкам помогла бы хорошая публичная порка, но закон запрещает телесные наказания. А жаль... Тюрьмы калечат куда сильнее. Невольно вспомнился Ромка, который из хулигана стал бизнесменом.

А если ранняя судимость помешала бы ему пойти в армию, что бы с ним стало? Хотя мой теперешний муж никогда не гонялся за девками и бабками со шприцем наперевес. Совсем наоборот...

Картинка десятилетней давности всплыла в памяти так ярко, будто это было вчера.

Мы с Ромкой идем по залитому солнцем Старому Арбату. Вокруг бродят толпы народу. Щелкают фотоаппараты туристов, рядом поют и пляшут брейк, у стены бородатый художник рисует портреты желающих. Но я все вижу словно сквозь серую дымку. Солнце припекает, Ромка обнимает меня за плечи, но я дрожу от холода. Меня предал любимый, и мне больше никогда уже не согреться. Я вновь начинаю плакать и в который раз говорю Роме, чтобы он бросил меня, я моральный урод с разбитым сердцем и не стоит ему губить свою жизнь вместе с моей. Мне всего 26 лет, и я так думаю на самом деле.

Ромка утешает меня, мы свернули с шумного Арбата на другую улицу, потом еще и еще, пока не забрались куда-то

в кривой тупичок. И там вдруг услышали слабый девичий вскрик. Я подняла залитые слезами глаза и увидела, что двое не слишком крепко держащихся на ногах парней прижимают к старому забору юную девочку в мини-шортиках. Девочка металась вдоль забора, но парни с радостным ржанием преграждали ей дорогу.

– Постой здесь. – Ромка развернулся на пятках и вразвалочку пошел к гоп-компании, а я смотрела ему вслед, на минуту даже позабыв о своих горестях.

– Чё, пацаны, в натуре, справитесь вдвоем? – с наигранной тревогой в голосе спросил Ромка, подойдя к одному из уродов вплотную. – Или помощь нужна?

– Гребни отсюда, гондон, пока не...

Договорить свою страшную угрозу парень не успел. Ромкин кулак ушел в глубь его живота, и парень, перегнувшись пополам, повалился на землю. В руке моего кавалера откуда ни возьмись появилась заточка, но пускать ее в ход не пришлось. Второй паренек, прижавшись к забору, по-крабьи быстро-быстро перебирал ногами вбок и, лишь удалившись метров на двадцать, повернулся и побежал. Похоже, от страха он даже протрезвел, так как бежал довольно резво. А девушку мы проводили до самого дома.

Именно в этот вечер я согласилась стать женой Ромки...

– О чем задумались, Вероника Николаевна? – по-отечески спросил генерал.

– О порке, – честно призналась я. – Если ваших хулиганов

выпороть, может, и судить их не придется?

– Увы, на это мы пойтить не можем, – голосом Лелика – Папанова прогнусавил майор. – Иначе показательная порка ждет нас самих. Ладно, довольно о грустном. Господа офицеры, предлагаю тост: за знакомство с очаровательной женщиной и чтобы оно продолжалось и после того, как она покинет наш город!

Наконец жаркое было съедено, а шампанское и коньяк выпиты. Платон в баре так и не появился. Но когда я в компании офицеров вышла в холл, он тут же подошел к нам.

– Ваши распоряжения выполнены. Вещи гражданки Неждановой доставлены в номер, – отрапортовал он майору, стоя перед ним навытяжку, но глядя в сторону.

– Отлично, лейтенант! – бодро отреагировал майор. – Теперь проводите Веронику Николаевну до номера, убедитесь, что она в безопасности, и можете быть свободны.

– Слушаюсь! – еще более вытянулся Платон, развернулся на пятках и, так и не взглянув на меня, отправился к широкой лестнице.

Я тепло попрощалась с офицерами и медленно пошла за ним.

Платон ждал меня на втором этаже, возле двери с чрезвычайно приятным мне номером «7». Он первым вошел в номер, демонстративно распахнул дверцы узкого шкафа и жестом предложил мне тоже заглянуть внутрь. Когда я от-

казалась, со злостью захлопнул хлипкие дверцы, отдернул занавески, даже заглянул под круглый одноногий столик и под аккуратно застеленную зеленым шелковым покрывалом кровать.

Убедившись в безопасности номера, он вновь вытянулся в полный рост и четко проговорил:

– Еще указания будут или я могу быть свободен?

Задавая этот вопрос, он все же взглянул на меня с таким выражением, словно перед ним была не симпатичная, пусть и строгая женщина, а горбатая, кривая каракатица.

Возможно, после поезда и ресторана я выглядела не лучшим образом. И для него уже перешагнула из категории «Простите, девушка, можно ваш телефончик?» в категорию «Эй, женщина, подвиньтесь, вы тут не одна!». Но ведь обидно... Я далеко не урод, и, когда симпатичный молодой человек так на меня смотрит, мне, мягко говоря, неприятно. И как при таком отношении нам работать вместе? Надо бы его как-то к себе расположить. Пококетничать немного что ли?

– Почему вы так на меня смотрите? – неожиданно для себя выпалила я. – Я не украла у вас корову и не подожгла ваш сарай!

Платон запнулся на полуслове и вытаращил на меня глаза. Охнув, я поднесла руки к мгновенно вспыхнувшим щекам. Откуда взялась корова, какой-то сарай, что я такое несу? Пококетничала, называется...

Спасло положение лишь то, что Платон сам смутился. Он

как-то съежился, немного пожевал губами и, похоже, тоже на автомате выпалил:

– Вы слишком молодая!

От изумления я сразу успокоилась. Интересно, как это понимать – как оскорбление или как комплимент?

– Так и вы не старик, – вполне кокетливо заметила я в ответ.

– Мне двадцать восемь!

– А мне тридцать пять!

После этого мы в некотором оцепенении уставились друг на друга, затем я тяжело вздохнула. Да уж, кокетка из меня, как из слона балерина. Пора бросать это гиблое дело.

– Я думал, вам меньше, – как-то по-детски промямлил Платон. – Прислали совсем девчонку – и что с ней делать?

Я вновь с тоской подумала, что давно пора перекрасить волосы. Я очень гордилась густой копной длинных русых кудрей, хотя понимала: блондинка в науке – это почти приговор. До какого-то момента природная миловидность помогала мне в работе, но с возрастом начала сильно мешать. Стричься я не хотела категорически, но вот перекраситься в брюнетку собиралась неоднократно. Это сразу прибавит возраста и солидности. И останавливало лишь одно смешное соображение. Когда черные волосы отрастут хоть на миллиметр и покажутся светлые корни, это будет выглядеть как лысина. Вернее, как небольшие, но многочисленные плеши. На такой эффект согласиться я никак не могла.

– Платон, поверьте, кормить меня с ложечки и утирать соплю вам не придется, – мягко сказала я. – Давайте мы с вами сейчас сядем и побеседуем немного. У меня к вам куча вопросов.

– Почему вы их не задали тем, кто выше по званию? – уже более миролюбиво спросил Платон.

– Не хотела людям аппетит портить, – кратко ответила я. – Садитесь вот на этот стул, а я на кровати устроюсь.

Платон резко покраснел, и лишь тут я сообразила, что последнее предложение звучало несколько двусмысленно. Да ну его, с этим мальчишкой еще слова подбирать надо, как на приеме у английской королевы! Я села на кровать, дождалась, пока Платон решится опуститься на предложенный стул, и спросила:

– Мьсе Лемерье поселили в этом же номере?

– Нет, он жил на третьем этаже, – сухо сказал оперативник.

– И что, он в самом деле исчез прямо из запертой комнаты? Или сумел незаметно сбежать из гостиницы?

– Ушел по запасной лестнице через служебный ход, – так же без эмоций ответил Платон. – Эксперты обнаружили на лестнице его следы, а на перилах – отпечатки пальцев.

– Тут есть неохраняемый открытый служебный ход? – изумилась я. – Вот тебе и хваленая безопасность!

– Он всегда заперт. Ключи есть лишь у служащих гостиницы, причем лишь у тех, кто на дежурстве. После дежур-

ства они сдают ключи портье.

– И как же вышел француз? – изумилась я. – Портье принял его за местную горничную и выдал ключ?

– Кто-то из сотрудников вывел, – пожал плечами опер. – Даже не обязательно из тех, кто был в ту ночь на дежурстве. Полагаю, сделать дубликат ключа – не проблема.

– Но зачем ученый пошел куда-то с непонятным служащим? Глубокой ночью? И что, ваши люди не могли допросить всех работников и выяснить их передвижения?

– Вероника Николаевна, сделано было все, что можно, и даже больше того. – Платон, казалось, немного оттаял и говорил уже вполне дружелюбно. – Не беспокойтесь, в гостинице вполне безопасно. Замок на двери служебного входа недавно поменяли. В вашем номере есть засов, который вы сами запрете изнутри. Я приду завтра утром, часам к девяти. На всякий случай до моего прихода не отпирайте дверь никому – даже местным горничным.

Глава 6

Он с удовлетворением пересмотрел свои записи. Что же, основная подготовка закончена. Ему удалось то, о чем до сих пор генетики лишь мечтали – кто открыто, а кто про себя, не решаясь даже озвучить чересчур смелые мечты. Его прежние рискованные эксперименты уже принесли свои плоды – принесли деньги, огромные деньги, но не они были его целью. Он хотел совершить переворот в науке, и за это не жаль было отдать жизнь – и свою, и тем более чужую.

* * *

На сей раз мне удалось выспаться. Заперев дверь на тяжелый засов, я приняла душ, приятно порадовавшись тому, что в гостинице оказалась теплая вода, затем легла и приготовилась к новой бессонной ночи. Как тут уснешь, если все время прислушиваешься к шорохам за дверью и от малейшего скрипа бросает в дрожь? Кто-то из работников гостиницы той апрельской ночью вывел доверчивого француза через черный ход на улицу, и француз исчез... Кому он мог помешать? Почему бы не дать ему спокойно сделать свои экспертизы? Что они могли изменить? И что там шуршит за дверью – не шаги ли?

Я приподнялась на локте, убедилась, что в коридоре по-прежнему тихо, опустила голову на подушку и задумалась. Вероятно, сегодня уснуть не получится. Но до утра проваляться в постели, вздрагивая от каждого шороха, тоже не дело. Раз уж все равно не спится, можно продумать сюжетную линию нового любовного романа из «розовой» серии. К тому же в моей довольно унылой личной жизни намечается хоть слегка надуманное, но все же разнообразие.

Итак, нового героя моего романа зовут Платон. То есть в романе его будут звать совсем иначе. Редакция требует придумывать знойным брюнетам экзотические имена, в моих виртуальных объятиях уже побывали Ромуальд, Геракл и Виссарион... Но это детали. Я буду представлять себе именно этого сурового парня, который чем-то мне приглянулся. Может, как раз своей чисто мальчишеской дикостью? Мы с Платоном встретились случайно, и между нами сразу пробежала искра. От вспыхнувшей страсти его сутулые плечи распрямились, синие глаза стали бесстрашно смотреть на мир, и его чуть насмешливый взгляд с легким прищуром согревал мое сердце, внушая, что в этой жизни мне нечего бояться...

Блин! Я в ужасе потрясла головой, сообразив, что вместо Платона представляю себе Ромку. Моего Ромку, такого неромантичного, приземленного, совсем не похожего на знойного мачо. Да что это со мной?

Додумать эту мысль я не успела, незаметно провалившись в глубокий сон. Разбудил меня тихий, но настойчивый стук

в дверь.

– Кто это? – хриплым спросонья голосом крикнула я.

– Платон Зубарев! – официально представился стоящий за дверью.

– А, Платон! – успокоилась я. – Пожалуйста, погуляй минут десять, я приведу себя в порядок и выйду.

Я вскочила с кровати, подошла к окну и отодвинула плотные темные шторы. Комнату сразу залил солнечный свет. Я решительно распахнула окно, и яркие, по-летнему горячие лучи окончательно развеяли все ночные страхи. Никто не пытался взломать дверь номера и выкрасть меня, я цела и невредима, нахожусь в обычной провинциальной гостинице, а не в огромной ловушке для доверчивых туристов. Как хорошо, что сентябрь в этом году такой теплый! Осенний нудный дождик вызвал бы глубокое уныние, а оно, в свою очередь, помешало бы работе.

Я долго умывалась, затем тщательно расчесала густые волосы и заплела их в тугую косу. Поглядела в зеркало над умывальником и аж зажмурилась от удовольствия. Вероника-краса, длинная коса. Платон будет в шоке и опять усомнится в моем возрасте. Да и я сама что-то начала в нем сомневаться. Серьезная ученая дама, а столько думаю о том, как наладить отношения с угрюмой мальчишкой!

Сама мысль о том, что он нервничает сейчас в коридоре, грела душу. Ничего, не маленький, должен сам понимать, что приличная женщина не может вскочить с постели, одеть-

ся за три минуты и мчатся хоть на край света. Внезапно я ощутила такую душевную легкость, какой не чувствовала с ранней юности. Как будто мне снова двадцать лет, я беззаботная студентка биофака, и ничего еще не произошло – ни неудачного эксперимента, ни предательства любимого, ни непонятого мне самой замужества...

Я надела легкое сиреневое платье до колен, белый шелковый жакет, туфли с высоченными шпильками, неторопливо собрала сумочку, уложила в нее набор для взятия биологических проб, папку с заботливо подготовленными Интерполом адресами, косметичку и отодвинула засов. Платон стоял у окна в коридоре и, против ожидания, казался вполне спокойным. Похоже, получасовая задержка вовсе не вывела его из равновесия и даже моя длинная коса, перекинутая через плечо, не подействовала. Ничего, он еще не знает, что его ждет.

– Привет! – весело помахала я сумочкой. – Вы уже завтракали? Я лично голодна, как сто тысяч волков!

Как я и думала, оперативник прямо на глазах начал звереть. Спокойный доселе взгляд помрачнел, губы скривились в презрительной усмешке.

– Да-да, я рабыня желудка, – подтвердила я, изо всех сил стараясь говорить серьезно и с истинно научным апломбом. – Как биолог, могу авторитетно заявить, что ничего толкового на пустой желудок сделать все равно не получится. Вы же не ездите на машине с пустым баком?

– Гамбургер по дороге вас не устроит? – отрывисто спросил Платон. – Тут недалеко «Макдоналдс».

– Гамбургер? Разве что как материал для биоэкспертизы, – серьезно покивала я. – Чтобы установить, из каких полимеров он сделан.

– Тогда куда?

– Да в бар внизу ходим, я вчера там отлично поужинала. Думаю, и завтраком нас накормят.

Платон не стал спорить, и мы спустились в бар. Я заказала омлет, Платон, бегло просмотрев меню, от еды отказался вообще, сказав, что позавтракал дома. Я пыталась хотя бы угостить его чашкой кофе, но и тут потерпела неудачу. Гордая птица мне попалась – из чужих рук не ест и не пьет.

Омлет пришлось ждать долго. Я выпила уже две чашки кофе, искоса посматривая на мрачного, как северная зима, Платона. Заговорить с ним было страшно, но, подкрепившись любимым напитком, я все же решилась. Силы придавала мысль, что я приближаюсь к доказательствам своего лучшего научного открытия, но... Вдруг местной милиции известно нечто, что ускользнуло от внимания Интерпола? И это нечто разрушит такую стройную теорию? В общем, Платон мне друг, но истина дороже.

– Скажите, что у вас в милиции говорят про дамочек, оттяпавших наследство? Как им удалось забеременеть от олигархов, не покидая пределы города?

– Да мошенницы они, – в сердцах ответил Платон. – Дали

кому-то на лапу, вот им результаты экспертизы и подделали.

– Насколько я поняла, до самого суда они были бедны как церковные мыши. На какие деньги подкупили английских и французских экспертов? – на самом деле никакой уверенности в бедности ловких дамочек у меня не было. По данным Интерпола, у них не было счетов в банке или дорогой недвижимости, но кто мог гарантировать, что тетки не хранили пачки баксов под собственным матрасом?

– Да откуда же мне знать? Может, кредит в банке взяли. Или у бандитов заняли. Овчинка выделки точно стоила.

– Вот прямо так, не зная ни языка, ни местных обычаев, ни юридических закавык, они приехали в чужую страну с чемоданчиком одолженных баксов, пришли в генетическую лабораторию и стали совать чемоданчик кому попало?

– К чему вы клоните? – вяло удивился Платон. – Что у них в тех странах были сообщники?

– Нет. К тому, что эксперты не соврали.

– И тетки забеременели от олигархов, не видя их в глаза?

– Почему же не видя? Вы можете гарантировать, что лет десять назад, к примеру, эти женщины не могли где-то пересечься с богатеями?

– Так глубоко никто не копал, – согласился Платон. – Но беременность у людей длится чуть меньше десяти лет. Или бывают исключения?

– Не бывает, – кивнула я. – Но бывают другие чудеса. Например, женщина в юности переспала с негром. Потом она

рассталась с ним, а через несколько лет вышла замуж за белого человека. Забеременела от него. А в результате родилась... негр.

– Не бывает такого! – Платон явно начал сердиться.

– Да что вы говорите! – Я торжествующе вытащила из сумочки номер июльского «С-кого горизонта» со статьей о дальнобойшике Дубровине, задушившем жену. – Вот же, у вас в городе произошло! Этим летом, неужели забыли?

Платон мельком взглянул на статью и тут же протянул газету обратно.

– Не морочьте мне голову, – устало произнес он. – Ясно же, что жена ему изменила.

– Расследование проводилось? – напрямик спросила я.

– Конечно. Я в нем участвовал.

– И как, вы нашли того негра, который мог быть отцом ребенка? Живет в вашем городе хоть какой-то негр? Или Наталья Дубровина выезжала год назад в другой город, к любовнику? – с некоторой тревогой спросила я.

На сей раз Платон глубоко задумался и лишь затем неуверенно ответил:

– Наталья Дубровина пять лет не выезжала за пределы города, это подтверждают все ее родные и знакомые.

– Где же она встретила негра? Хоть это выяснили?

– Нет, не выяснили. И что с того? – уже агрессивно спросил опер. – Раз ребенок мулат, значит, где-то негра она нашла!

– Угу, – согласилась я. – Нашла. Пять лет назад.

– Вы надо мной издеваетесь? – с подозрением спросил Платон.

– Нет, – кротко сказала я. – Платон, вы никогда не задумывались, как передается генетическая информация? Например, ваша жена рождает ребенка. Он похож на нее, и это естественно. Но почему у него ваши глаза и ваш нос?

Платон как-то болезненно поморщился, но ответил:

– Ну как же... Гены...

– Полагаете, само слово все объясняет? – удивилась я. – Нет, не гены наследуются. Информация передается, и только она. А передает ее особый белок под названием прион. Нечто типа флэшки, на которую с компьютера записывают информацию, чтобы переписать на другой компьютер. И почему вы думаете, что однажды переданная информация исчезает бесследно? Стирается последующей? Или вы в компьютерах не сильны? Приведу другой пример. Представьте, что вы много лет выписываете разные журналы. Вы допускаете, что с каждым новым полученным экземпляром все предыдущие номера бесследно исчезают из вашей квартиры, просто растворяются в пространстве?

– Но это... абсурд! Полный!

– Разве? А вот в Англии даже проводили масштабное исследование ДНК детей и родителей. Обследовали тысячи семей и установили, что у каждого десятого ребенка ДНК не совпадает с отцовской! Тоже абсурд?

– Да! Изменяют англичанки своим мужикам, вот и дети от любовников!

– Но сами женщины должны были знать, что у них рыльце в пушку. Полагаете, они согласилась бы на такое исследование?

– Да чего мне гадать? Сами ж говорите, что согласились.

– Потому что не изменяли мужьям!

Платон пробормотал что-то злобное и отвернулся. Мы долго молчали. Принесли мой омлет и третий кофе, я быстро поела, оставила на блюдечке деньги и вслед за Платоном вышла из гостиницы. В полном молчании сели в милицейскую машину, я назвала адрес Татьяны Ромашовой, и мы двинулись в путь.

Освещенный солнцем городок казался совсем мирным и почему-то кукольным. Двухэтажные деревянные домишки с невысокими заборчиками напоминали картинки из старых детских сказок. Воздух казался невероятно прозрачным, тополя и липы с чуть пожелтевшей листвой – мультяшными, и лишь периодически возникающие вдоль дороги блочные пяти- и девятиэтажки возвращали к реальности.

Минут через десять мы уже прибыли к месту назначения. Татьяна Ромашова жила на окраине городка, в небольшом деревянном домике с резными ставнями, окруженном хлипким дощатым забором. Мы остановились возле самого дома, я вышла из машины и подергала мощную железную ручку калитки. Заперто. Интересно, куда могла пойти хозяйка с

утра пораньше, оставив дома полуторагодовалую дочь? Она не работает, близких друзей вроде нет... Могла выйти за продуктами на местный рыночек или зайти поболтать к соседке. В любом случае надо оставить ей записку и поехать по второму адресу.

Я достала из сумочки блокнот, вырвала листок, написала, что очень прошу Татьяну со мной встретиться, приеду через пару часов, и приладила листок к калитке.

– А домик-то выглядит заброшенным. – Я вздрогнула, услышав сзади мужской голос. Конечно, для оперативника необходимо умение подкрадываться неслышно, как кот, но зачем так пугать невинную женщину?

– Смотрите, траву все лето не косили, – как ни в чем не бывало продолжал Платон. – И сам дом выглядит каким-то нежилым. Ставни закрыты. Зачем, спрашивается, днем ставни закрывать? И главное, в доме маленький ребенок. На улице тепло, как летом. И где же коляска, гамак, качели какие-нибудь захудалые? Она вообще ребенка на улицу не выводит?

– Думаете, уехала? – расстроилась я.

– Надо соседей расспросить, – решил Платон. – Вы со мной или в машине подождете?

– С тобой... С вами, – торопливо поправилась я. Вряд ли расспросы займут много времени: на крошечной улочке, как я успела заметить, всего-то два дома. Платон молча покосил на меня, затем окинул выразительным взглядом мои

туфли, хмыкнул и пошел к соседнему особнячку. Уцепиться за его руку я не успела, пришлось ковылять на шпильках самостоятельно. Ну как же я не догадалась, что дороги в городке не такие ухоженные, как в Москве? Поломаю каблуки, а других приличных туфель с собой нет, и вряд ли в С-ке я смогу их купить...

– Платон! – позвала я скорее для того, чтобы замедлить темп. – А почему Ромашова не купила себе более приличный дом? Или вообще не продала этот и не переехала в Москву, к примеру? Или она купила, а вы просто не знаете?

– Почему мы должны за ней следить? – Опер все же замедлил шаг и пошел рядом со мной. – На территории С-ка она никаких преступлений не совершила. Может, давно переехала и мне не сообщила.

– Но вас же просили из Интерпола!

– Просили принять вас и проследить, чтобы вы могли встретиться с дамочками. За ними следить никто не просил. Все, заканчиваем беседу, вот и соседка.

Во дворе двухэтажного дома из белого камня действительно стояла полная молодая женщина в длинном белом сарафане и с интересом смотрела на нас. Мы подошли, Платон показал удостоверение, и нас пригласили войти.

Хозяйка, назвавшаяся Лидией Плещеевой или просто Лидой, обрадовалась нам, как родным. Ее не смутило даже то, что Платон представился оперативником, разыскивающим Татьяну Ромашову. То ли милицию в С-ке любят как род-

ную, то ли просто на эту маленькую улочку забредало слишком мало посторонних и развлечений у жителей не было никаких.

Лида долго уговаривала нас позавтракать чем Бог послал. Я бы с удовольствием согласилась, но Платон опередил меня и категорически, даже с какой-то обидой в голосе отказался. Тогда хозяйка вытащила во двор два брезентовых шезлонга, притащила складной столик, бидон домашнего кваса и огромные жестяные чашки, из которых этот квас полагалось пить. Под ее бдительным взглядом нам пришлось наполнить чаши и отпить по глотку – лишь тогда гостеприимная женщина прекратила суету вокруг нас, присела на небольшой складной стульчик и, смиренно сложив руки на круглых коленях, вопросительно посмотрела на Платона.

– Лидия, когда вы в последний раз видели свою соседку, Татьяну Ромашову? – официально спросил он.

– А весной видела, – охотно откликнулась та. – В начале апреля, кажется, когда снег совсем сошел. Я цветы на той клумбе высаживала, когда она мимо с коляской проходила. Я ее окликнула, думала поболтать по-соседски, а она нос задрала да мимо прошлепала. И то сказать, когда наследство огромное получила, так нос задрала, что ого-го!

– То есть после получения наследства вы с ней не общались? – настороженно спросил Платон.

– Не-а. – Лидия грустно покачала головой. – То есть как... Сначала общались, пару месяцев наверное. Я всю зиму мо-

лочко ее дочке носила, парное. Танька-то грудью не кормила, молока у ней не было. Так я даже денег с нее не брала, хотя она и разбогатела сильно. А потом – как отрезало. Сама не приходит, а я к ней сунулась – она даже дверь не открыла. Занята, мол, иди себе домой. Я и пошла. Потом долго ждала, что мириться придет, да так и не дождалась. Портят деньги человека, ох портят. Вот жила там одна, на отшибе. Чуть не померла в свое время, хорошо, я рядом оказалась. Ну ладно, я благодарности и не жду. Но если малышка захворает, упаси Господь? К кому за помощью-то побежит, как не к соседям?

– Вообще-то может вызвать детского врача, – непонятно зачем встряла в разговор я.

– И что, теперь соседи не нужны? – жутко обиделась на меня Лидия.

– Нужны, конечно же нужны! – торопливо поправилась я. Какая-то смутная мысль не давала покоя, но, как ее сформулировать, я не понимала.

– Давайте по порядку. – Платон тоже был чем-то встревожен. – Когда вы впервые узнали, что ваша соседка должна получить наследство?

Лидия перевела дыхание и рассказала странную историю их знакомства с самого начала.

Я знала, что Татьяна Ромашова не была жительницей Ска. Она приехала в городок из Рязани за три года до получения наследства, купила небольшой домик на окраине и ста-

ла там жить, не особо общаясь с соседями и нигде не работая. Лидия много раз пыталась наладить с ней отношения, но безуспешно. Она уже потеряла надежду, когда однажды, в морозный зимний вечер, в ее дверь постучали.

– Хорошо, что мой благоверный дома был, а то бы и не открыла, – взволнованно поведала нам Лидия. – Вьюга за окном так и гудит, так и воет на все голоса, а тут в дверь ломятся!

Но муж был дома, и Лидия пошла открывать. Каково же было ее удивление, когда за дверью оказалась ее нелюдима соседка! На Татьяне просто не было лица. Она стояла перед дверью в легком, не по погоде, сером пальтишке, лицо бледное, а глаза запавшие. Буквально оттолкнув Лидию от двери, она ворвалась в дом и без сил привалилась к стене.

Лидия перепугалась, позвала на помощь мужа Прохора, и они вдвоем перетащили нежданную гостью в комнату, поближе к камину. Помогли ей снять пальто, и тут...

– Представляете, весь низ ее светлого платья был в крови! Я думала, на нее напал кто-то, хотела в милицию звонить. Но она меня за руку схватила, вот так! – Лидия экспрессивно схватила себя за левую руку правой. – И быстро так лепечет: «Не надо, умоляю, только милиции не надо и врачей не надо. Никто меня не трогал, беременна я, и вот кровотечение открылось. Что делать теперь?»

Лидия пришла в ужас и стала убеждать соседку немедленно вызвать «скорую». Шутка ли, кровотечение при бере-

менности? И сама погибнуть может, и ребенка погубить. Но бледная как смерть Татьяна наотрез отказывалась от врачебной помощи и лишь умоляла Лидию помочь ей. Ее уложили в постель, и перепуганные Лидия с мужем стали думать, что предпринять. Потом Прохор побегал в аптеку хоть за каким-нибудь лекарством, останавливающим кровотечение. Услышав стоны, Лидия подбежала к страдальце, чтобы попытаться уговорить ее все же обратиться к врачу, но та лишь прошептала в ответ:

– Мне надо дозвониться ЕМУ... Я должна у него узнать, но ОН не берет трубку!

Только тут полностью деморализованная Лидия заметила в руке беременной маленький мобильник.

Разумеется, она решила, что Татьяна пытается дозвониться отцу своего ребенка. Но, попытавшись мягко отобрать телефончик, чтобы самой позвонить ему, она наткнулась на столь яростное сопротивление, что тут же отступила. Вернулся Прохор с каким-то лекарством – в аптеке сказали, что на ранних сроках оно хорошо останавливает кровотечение. Лидия собиралась было напоить гостью лекарством, как вдруг та слабо окликнула:

– Лида!

Хозяйка в испуге подбежала к кровати: вдруг Татьяне стало хуже? Но та выглядела намного лучше, чем полчаса назад. Она уже не так тяжело дышала, и вид был не такой напуганный.

– Я дозвонилась, – правильно истолковала ее изумление беременная. – Сейчас за мной приедут. Сказали, потерпеть еще минут двадцать надо, не больше. Но у меня к тебе просьба... – Она замялась, а потом чуть слышно прошептала: – Личная. Ты никому не скажешь?

Съедаемая любопытством Лида горячо заверила, что ни одной живой душе, даже под пытками не проболтается о тайне Татьяны. Та грустно улыбнулась и продолжила:

– Я появлюсь дома через пару дней, ну, через неделю в самом крайнем случае. Я надеюсь на это. Но если ты вдруг узнаешь, что меня нет в живых... Или пройдет месяц и станет ясно, что я уже не вернусь... Тогда разорви вот этот конверт.

Глава 7

Нам все же пришлось пообедать у гостеприимной Лидии. Я сидела за богато накрытым столом в просторной деревенской кухне и, почти не замечая огромной тарелки с наваристым борщом, все смотрела в боковое окно, пытаясь уловить хоть какое-то движение в заброшенном дворе Татьяны. Разумеется, там по-прежнему было тихо и пустынно. Впрочем, Лидия не видела соседку с середины апреля, так что надеяться на ее своевременное появление было, мягко говоря, странно. Аппетита не было, для полного счастья мне вполне хватало и омлета, а тут еще голова пухла от непонятной информации. Кому звонила истекающая кровью Татьяна? Отцу ребенка? Которому, не французскому же телемагнату? Его в то время не было в России, это известно точно. Но она могла позвонить и во Францию. А Дюсуан, в свою очередь, мог прислать помощь. Вполне возможно, что в России у него были свои люди.

Но чего тогда так опасалась беременная Татьяна? Почему отказалась от врачебной помощи? Почему подозревала, что уже не вернется в С-к, и передала Лидии загадочный конверт?

Платон с удовольствием ел суп, и не похоже было, чтобы загадочная история отбила ему аппетит. Мужик, грубая душевная организация, что с него взять? Я собрала всю свою

волю, чтобы проглотить пару ложек борща, попутно обдумывая вопросы, которые обязательно надо задать Лидии.

Нет, что-то в этой истории не вязалось. Станным казалось даже то, что началась история как настоящий триллер, а затем вдруг превратилась в пастораль.

Когда насмерть перепуганная Татьяна дозвонилась до своего покровителя и ее куда-то увезли, Лидия долго ждала беды. Конверт она запрятала в погреб, за банки с солеными грибами, и с трудом сдерживала желание немедленно его сжечь. Но Татьяна через неделю вернулась домой, живая, здоровая и даже не потерявшая ребенка, поблагодарила соседку и забрала конверт. Дальше все шло мирно и спокойно – Татьяна много гуляла по ближайшему леску, пока не пришел срок рожать, потом благополучно родила здоровенькую девочку, гуляла с малышкой, возила ее к врачу... Иногда заходила к Лидии поболтать, и они часами пили квас, пока девочка мирно спала в открытой коляске. Татьяна хвасталась, что отец малышки – богатый мужик из самой Франции, они расстались, но он тяжело болен и скоро помрет, и вот тогда-то она разбогатеет.

Лидия относилась к этим рассказам с явным недоверием, но Татьяна не обижалась. И правда, через год она уехала во Францию на две недели, вернулась счастливая, в новой норковой шубе до пят, с золотыми кольцами на каждом пальце. Камни в них блестели и переливались, и неискушенная Лидия поверила, что это сапфиры, аметисты и брилли-

анты. Теперь Татьяна заходила в гости почти каждый день, все хвасталась привалившим богатством. Рассказывала, что вот теперь она сможет пожить в свое удовольствие – купит гостиницу в Сочи, с самыми дорогими номерами, себе отведет роскошные апартаменты и будет жить в свое удовольствие. Еще и Лидочку к себе возьмет, ну, хотя бы старшим администратором.

Словом, можно сказать, что соседки подружились. И тем сильнее удивляло неожиданное прекращение добрососедской идиллии. В конце марта, примерно через месяц после возвращения Татьяны из Франции, она, вся в слезах, спешила куда-то с коляской. Лидия заметила ее через окно, выбежала во двор и подошла к калитке, чтобы окликнуть соседку и предложить свою помощь, но та сделала вид, что не услышала оклика, и быстро пробежала мимо. Вернулась домой она ближе к вечеру на машине, которая въехала прямо во двор, и, кто был за рулем, Лидия не разглядела.

И с того самого дня дружба закончилась. Татьяна, как и прежде, выходила по утрам погулять с коляской, но делала вид, что не слышит и не видит прильнувшую к калитке соседку. Лидия, не выдержав внезапного охлаждения, сама постучала к Татьяне. Но та не отперла бывшей подруге дверь.

– Платон! – тихо позвала я, когда наша гостеприимная хозяйка на минуту вышла из кухни. – Когда пропал французский генетик? Точное число помните?

– Второго апреля, – мгновенно ответил оперативник. По-

хоже, мы прокручивали в голове одни и те же вопросы.

В этот момент в комнату зашла Лидия, и Платон спросил ее:

– Вы не могли бы точнее назвать число, когда в последний раз видели Татьяну?

– Ой, знала бы, записала б в календаре... – растерялась та. – В середине апреля, наверное. Да-да, числа пятнадцатого-шестнадцатого, я как раз ноготки высаживала. А потом хотела еще раз к Татьяне постучаться, семена цветочные ей предложить. Уже вышла за ворота, гляжу – а у нее ставни закрыты и коляска со двора пропала. Тогда и подумала: съехала она. А что со мной не попрощалась – так чему удивляться, она в последнее время меня и знать не желала.

Значит, Татьяна пропала уже после исчезновения генетика. А связаны ли эти исчезновения вообще? Вдруг женщина просто купила себе гостиницу в Сочи и переехала, не став заморачиваться продажей ветхого домика на окраине небольшого городка?

Кое-как мы доели борщ, и я осторожно спросила:

– Лида, а как выглядели люди, которые забрали тогда истекающую кровью Татьяну?

– Да я их не рассматривала, – растерялась та. – Вроде вообще всего один мужик был, в годах такой. Зашел в дом, помог Татьяне подняться, довел до машины, которую не стал во двор загонять, хоть я и приглашала. Усадил на заднее сиденье, сам сел за руль, и они уехали.

– А вы не могли бы рассказать, что было в том конверте?

– Ой, да что вы спрашиваете такое! – всплеснула руками девушка. – Неужто я б смотрела чужое письмо!

– Я бы обязательно посмотрела, – с улыбкой сообщила я. – Просто побоялась бы не посмотреть – вдруг там какие-то опасные вещи записаны? Вдруг через месяц какой-то теракт готовится и Татьяна об этом знает?

– Ну да, я тоже... – Она запнулась, но через пару секунд уже смелее продолжила: – Я глянула, одним глазком.

– Тогда расскажите.

– Да я слово давала – ни одной живой душе!

– Вы давали слово молчать лишь при жизни Татьяны, – сухо сказал Платон.

– Вы... Вы думаете, она... С ней что-то случилось? – Лидия даже побледнела.

– Да, именно так и думаю, – подтвердил Платон.

– Ой... Я вам сейчас записку отдам! – Лидия убежала из кухни и через минуту вернулась с небольшим листком, вырванным из отрывного календарика. – Вот, я все переписала еще тогда, когда Татьяну увезли.

На листочке был записан чей-то рязанский адрес с номером дома и квартиры, но без имени и странный набор букв и цифр: D E97ED3648789C8438298 1C4684526FFE.

Платон сунул листок в небольшое портмоне, спрятал его обратно в карман, и мы, наевшись и горячо поблагодарив хлебосольную хозяйку, вышли на улицу. До машины шли в

молчании, и, лишь сев рядом с Платоном, я тихо спросила:

– Будете открывать дело?

– О пропаже гражданки Татьяны Ромашовой? – грустно усмехнулся Платон. – Вы сами верите, что такое дело кто-то откроет? Заявления о пропаже нет, никаких подозрений, что имело место похищение, тоже нет. Более того, вы сами на все сто процентов уверены, что она не уехала из города добровольно? Вот вы с такими деньгами остались бы прозябать в нашей дыре?

– Вряд ли, – покачала я головой. – И на пару месяцев не стала бы задерживаться.

– Вот и я о том же. – Платон удовлетворенно кивнул. – Нет никаких оснований утверждать, что кто-либо вынудил гражданку Ромашову покинуть С-к.

– А сами вы как думаете? – в лоб спросила я.

– Зачем вам это знать? – усмехнулся Платон. – Мои подозрения к делу не пришьешь. Ладно, мы еще куда-нибудь едем?

– Разумеется, – удивилась я. – Мне надо хотя бы Надежду Котеночкину дома застать. Иначе получается, что я вообще зря приехала.

Платон кивнул и завел машину. А я почему-то подумала, что мы едем зря. Что-то не так было с этим простым на первый взгляд делом. Немного подумав, я спросила:

– Если дела не будет, зачем же вы взяли себе записку Татьяны?

– Пригодится, – холодно ответил Платон. – Я хочу послать ее по тому адресу, который был указан на конверте. Поглядим, что произойдет.

Я с уважением покосилась на опера. Молодец, вот что означает работать не за страх, а за совесть! Платон неожиданно обернулся, затем посмотрел в зеркало заднего вида и внезапно резко свернул в какую-то подворотню. От неожиданности я повалилась вперед, ремень больно врезался в живот. И я невольно вскрикнула:

– Осторожнее!

– Терпите, будет немного трясти, – спокойно ответил опер, снова резко поворачивая, и, разогнавшись, пролетел узкую арку проходного двора. – Я уверен, что за нами следят.

Глава 8

Алена Румянцева привычно проверила сумочку. Так, электрошокер на месте, травматический пистолет «Оса» тоже. Она запустила руку поглубже, убедилась, что круглый булыжник размером с кулак мирно лежит на дне. Ну что ж, оружие к бою готово, можно идти в магазин за продуктами. Затариться на три дня вперед, а потом снова запереться в съемной квартире, уже пятой за прошедшие два года.

Много раз она хотела обратиться за помощью в милицию. Но останавливало то, что вся история казалась совершенно неправдоподобной, поверить в нее представители власти вряд ли могли, зато спокойно могли отправить ее в психушку, чтоб не отвлекала зря занятых людей. Иногда ей самой казалось, что она сошла с ума и опасность существует лишь в ее больших фантазиях.

Она все сделала так, как было уговорено со Стасом. Тот тоже прилетел в Париж, но другим рейсом и жил в другом отеле. Они договорились встретиться уже после того, как она побывает у мсье Дюсуана.

Интервью прошло отлично, она из отеля послала отснятые кадры в Москву, и репортаж действительно показали по центральному каналу. Правда, из получасовой беседы на большой экран попало всего полторы минуты, зато ее улыбающееся лицо крупным планом показывали не реже, чем самого

медиамагната. Со Стасом она встретилась сразу же после того, как вышла из поместья. Попросила телеоператора Сеню подождать ее в машине, быстро перебежала дорогу и подошла к пластиковому столику маленького уличного кафе, где Стас задумчиво пил вино. Алена отдала ему то, что обещала, и потребовала перевести на свой счет вторую половину гонорара.

– Разумеется, ты все получишь, – спокойно сказал Стас. – Сейчас ты из отеля отправишь мне все, что отсняла, заказчики убедятся, что ты задала все нужные вопросы, и гонорар поступит на мой счет. А я переведу обещанную сумму на твой. Спокойно лети в Москву, через пару дней деньги будут.

– А разве ты не летишь со мной? – удивилась Алена.

– Увы, моя девочка, – мягко улыбнулся Стас. – Дела. Мне надо задержаться в Париже еще на пару дней. Как только я прилечу домой, сразу же тебе позвоню. А ты пока подбери себе квартирку получше, желательно поближе к центру. На цену внимания не обращай, я человек не бедный. И готов платить столько, сколько нужно, чтобы жить вместе с тобой.

Обрадованная Алена согласилась подождать и денег, и Стаса, хотя первая тень недоверия легким облачком коснулась одурманенного удачей сознания.

Она впервые задумалась: а кто такой, собственно, Стас? Студент, подпольный миллионер, агент ФСБ или ЦРУ? Как получилось, что она, такая разумная и рассудительная, поз-

волила втянуть себя в авантюру совершенно незнакомому, по сути, человеку?

Но, как говорится, поздно пить боржоми, когда печень отвалилась. Дело сделано, какая теперь разница, кого представляет ее возлюбленный? Она получит остаток гонорара, переведется в МГУ и снимет квартиру рядом с университетом. А там, глядишь, удастся и на один из центральных телеканалов устроиться. Все идет по плану.

Она прилетела в Москву, на такси приехала в общежитие, долго рассказывала восхищенным соседкам по комнате про Париж и про роскошное поместье богача, те ахали и выспрашивали все новые подробности. Репортаж они уже видели накануне и теперь были уверены, что у Алены большое телевизионное будущее. Поэтому совсем не удивились, когда Алена сказала, что собирается снимать отдельную квартиру. Еще бы, телезвезда не должна жить в убогом студенческом общежитии!

Вечером позвонил Стас и велел ей срочно писать заявление об уходе с работы.

– Не хотел заранее говорить, но уже все решено, – радовался он. – С понедельника ты работаешь на том канале, для которого делала интервью. Главное, чтоб твое заявление об увольнении подписали до пятницы.

На следующее утро Алена съездила на свой телеканал, написала заявление об уходе, а потом, забив на учебу, до полудня читала объявления о сдаче квартир, а днем ездила по

указанным адресам. И когда вечером позвонил Стас, она уже решила, куда переедет.

– Я такую квартиру нашла! – похвасталась она. – Обещала завтра же привезти залог, и можно переселяться. Тебе наверняка понравится!

– Отлично! – обрадовался Стас. – Я уже в Москве, помогу с переездом. Собирай вещи, я тебя завтра сам перевезу и залог отдам. Кстати, твой гонорар уже переведен!

Эту ночь Алена почти не спала. В мечтах она видела, как Стас переселяется в ее замечательную квартиру в центре Москвы, как делает ей предложение руки и сердца, как они устраивают роскошную свадьбу на пол-Москвы, где будет гулять вся ее родня из Дубровска, как везет ее в роддом... Параллельно в сознании мелькали кадры новостей Главного канала, где Алена работала диктором. А почему бы и нет? Ведь каким-то чудом ей удалось ухватить и прочно привязать к себе удачу.

Назавтра Стас заехал за ней, вместе с девчонками они собрали все Аленины вещи. Попрощались с завистливо вздыхающими соседками и сели в новый «форд» цвета «мокрый асфальт». Алена ехала словно в полусне. Наверняка сегодня осуществится многое из того, что грезилось ей ночью. Они доехали до Останкино, где должна была находиться ее новая работа. Стас остановил машину и повернулся к Алене:

– Здесь стоять запрещено, но я включил аварийку, минут десять нас не тронут. Давай мне паспорт, зайду в отдел кад-

ров, пусть сразу копию снимут и начнут документы оформлять, – сказал Стас. – А ты посиди в машине, если что, объяснишь, что у нас внезапная поломка.

Алена полезла было в сумочку за паспортом, но Стас выдернул сумку из ее рук и быстро скрылся на проходной. Вернулся он минут через двадцать, сунул сумочку обратно в руки Алене, и они поехали дальше. Погруженная во сны наяву, она не сразу сообразила, что машина едет совсем не в центр Москвы, а приближается к ее окраине. Опомнилась она лишь тогда, когда они выехали за МКАД на какое-то шоссе. Стас все набирал скорость, они летели вперед, а вокруг массивной стеной стоял лес.

– Стас, куда мы едем? – стараясь говорить беззаботно, спросила она, но голос предательски дрожал.

– За моими вещами, конечно, – спокойно ответил он. – Разве ты не хочешь, чтобы я сегодня же остался у тебя?

Алена на пару минут замолчала, пытаясь понять, почему ей стало так страшно. Стас мог погрузить свои вещи в машину заранее, еще до того, как заехал за ней. Но не в этом суть. Куда они все-таки едут? Где живет Стас – не в лесу же?

Тем временем они давно уже выехали за город и на огромной скорости неслись по шоссе. За очередным поворотом Стас внезапно чертыхнулся и притормозил. В кустах скромно стояла полосатая машина ГИБДД. Засада!

– Ваши документы! – вежливо попросил молодой лейтенант ГИБДД, подходя к ним.

Второй гаишник, старше первого раза в два, курил рядом с патрульной машиной.

– Я что-то нарушил? – нервно спросил Стас.

– Превышение скорости, – заметил гаишник. – Тут разрешено не больше сто десяти, а вы ехали под сто восемьдесят, никак не меньше.

– Давайте договоримся, – предложил Стас, протягивая гаишнику сложенную вдвое зеленую купюру.

Алена сидела молча, отмечая, что ее возлюбленный уж слишком сильно нервничает. Намного больше, чем требует ситуация. Вдруг какая-то сила словно вытолкнула ее из машины. Она не понимала, что с ней творится, но твердо знала одно: она не хочет ехать со Стасом дальше в лес.

– Стас, ты поезжай за вещами один, я тут подожду, – сказала она, стоя возле гаишника и прижимая к боку замшевую сумочку с паспортом и банковской карточкой «Visa», на которой лежал ее гонорар за поездку.

– Что за фигня! – Стас побагровел. – Ты с ума сошла? Здесь же только лес! Быстро садись в машину!

– Нет! – вскрикнула она, чуть ли не прижимаясь к представителю власти. – Тут не только лес, тут еще и милиция. Меня никто не обидит!

– лейтенант, помогите ее уговорить, – взмолился Стас, обращаясь к гаишнику. – Мы сегодня съезжаемся, а у девочки вдруг капризы начались. Ну не могу ж я в самом деле ее здесь оставить!

– Почему бы нет? – внезапно вмешался второй гаишник. – Девушка погуляет тут, а вы на обратном пути ее заберете.

– Спасибо огромное! – торопливо сказала Алена. – Стас, поезжай быстрее. Я буду ждать.

Еще раз чертыхнувшись, Стас на огромной скорости уехал. Алена провожала его глазами, пока «форд» не скрылся вдали.

– Девушка, что ж вы так? – добродушно спросил пожилой гаишник, едва достававший ей до подбородка. – Расстраивайте своего парня. А мужчины создания хрупкие, их беречь надо.

– Да я сама не знаю, что на меня нашло, – покраснела Алена. Ей было стыдно за свою выходку, и она не могла ее объяснить даже себе. В самом деле, чего она испугалась? Наверное, Стас живет не в Москве, а в небольшом подмосковном городишке и действительно поехал туда за вещами. Она никогда не спрашивала, где он живет, а он, вероятно, стеснялся признаться, что не из Москвы.

– У меня девчонка такая же норовистая, – со вздохом поведал молодой гаишник пожилому. – Что не по ней, сразу заявляет, что могу катиться на все четыре стороны. Я вот думаю ее на курсы послать водительские. Получит права, куплю ей машину, а потом подкараулю на дороге и права на год отберу! – мстительно проговорил он.

Алена невольно засмеялась.

– Так и она твои права отберет, – усмехнулся пожилой.

– Да я женюсь на ней уже, так что никуда не денется, – самодовольно возразил молодой.

Слушая их забавную беседу, Алена совершенно расслабилась и, когда минут через 20 за ней вернулся Стас, спокойно села в машину, попрощавшись с милыми гаишниками. Уже не нарушая скорости, они поехали обратно.

Через какое-то время Стас резко свернул налево. Алена снова напряглась – вроде они ехали другой дорогой? Но снова устраивать истерику ей не хотелось. Она молчала и лишь внимательно смотрела по сторонам. Между тем шоссе все сужалось, переходя в узкую асфальтированную дорогу.

– Куда мы едем? – спросила она.

– В центр, просто более короткой дорогой, – спокойно ответил Стас. – А что, ты опять хочешь выйти?

– Да! – крикнула она.

– На здоровье! – Стас притормозил у обочины. – Лес большой, можешь гулять сколько угодно.

Она снова вышла из машины и растерянно остановилась. Вокруг был только осенний лес – густой и какой-то зловещий. Чуть дальше асфальтовая дорога переходила в проселочную тропу. Неужели Стас оставит ее тут одну?

– Тебе просто надо успокоиться. – Стас тоже вышел из машины. – У тебя ПМС, наверное?

– Не знаю, – растерянно ответила Алена, вновь не понимая, права ли она в своих опасениях.

– Давай погуляем по лесу, расслабимся и поедem дальше, –

предложил Стас, подходя к ней и обнимая за талию. – Сегодня так тепло, одно удовольствие пройтись. И потом, в лесу мы ЭТОГО еще не делали, верно?

Он озорно подмигнул ей, увлекая в густую чащу. Она послушно пошла, снова поверив, что сама придумала себе все тревоги.

– Ну что, скидываем одеяния? – обаятельно улыбнулся ей Стас, когда они зашли достаточно далеко. Теперь их никак нельзя было увидеть с дороги.

Она стала торопливо расстегивать короткий плащик, удивляясь, почему руки так дрожат. Все в порядке, Стас ее хочет, и ей только кажется, что он нервничает все сильнее.

Она сняла плащ, небрежно кинув его на толстый сук, повесила сверху сумочку, спустила с плеч бретельки тонкого платья и замерла в ожидании.

– Холодно, моя маленькая? – ласково спросил Стас, подходя к ней сзади.

Она сама не понимала, почему резко обернулась на его голос. Уловила что-то странное в тоне? Сдали напряженные до предела нервы? Или это сработала интуиция?

Стас уже заносил над ее головой руки с натянутой леской-удавкой. Она едва успела увернуться и резко бросилась в сторону. Туфли на небольшом каблучке мешали бежать, но она боялась остановиться, подпустить к себе Стаса. Тот бежал по пятам, немного отставая. Лишь через пару минут Алена сообразила, что изо всех сил бежит не к дороге, а все

дальше в лес. Но повернуть теперь было уже невозможно.

Почва под ногами становилась вязкой, ноги проваливались почти по щиколотку, и Алена поняла, что бежать ей некуда. Она остановилась и обернулась – Стас, оскалив зубы в неприятной усмешке, не торопясь шел к ней. Другая девушка, вероятно, снова побежала бы, теряя последние силы, но кандидат в мастера спорта по тяжелой атлетике Алена Румянцева решила принять бой.

Торопливо оглядевшись, она увидела то, что могло ее спасти. На кочке в десяти метрах от нее лежала огромная коряга. Надо остановить Стаса, чтобы выиграть хоть пару минут!

– Стой! – выкрикнула она. – Я расскажу тебе, где мои деньги! Ты хочешь получить мой гонорар?

– А что, деньги не на счете? – От изумления Стас действительно притормозил.

– Нет, я их сняла! – делая шаг в сторону, торопливо сказала она. – И спрятала... Отойди на пару шагов, а то ничего не скажу!

Похоже, Стас поверил, что она в панике готова рассказать ему про деньги. По крайней мере, сопротивления он больше не ожидал. Усмехнувшись, он остановился и даже сделал небольшой шагок назад.

– Давай облегчай душу, – предложил он. – И я оставлю тебе жизнь.

– Да-да, я все расскажу, – заверила она, прыгая в сторону и поднимая с земли корягу.

Стас подобрался для броска, но она опередила его на полсекунды. Пущенная мощной рукой спортсменки коряга попала мужчине точно в лоб. Он покачнулся, сдавленно вскрикнул и медленно опустился на влажную землю. Алена, замерев, несколько минут в шоке глядела на него – он так и не пошевелился.

Она не стала проверять, жив ли ее преследователь. Быстро пробежала мимо, пытаясь понять, как найти в лесу свой плащ и сумочку. Там мобильник, она позвонит в милицию и вызовет помощь. Ее быстро найдут, она запомнила их маршрут. Да и вообще, ориентировалась в пространстве она неплохо и до сих пор прекрасно находила дорогу в лесу.

На какое-то мгновение ей показалось, что она заблудилась и теперь навсегда останется в чаще, но тут увидела яркое красное пятно – свой висящий плащ. Она ускорила шаги, затем побежала, спотыкаясь. Резко сорвала сумочку с сука, плащ упал на землю, но ей было уже плевать. Она раскрыла сумку, достала мобильник и в ужасе уставилась на мертвый темный экран. Разрядился? Но вчера она, в ожидании звонка Стаса, заряжала его всю ночь! И она не расставалась сегодня с сумочкой... Хотя нет, она отдавала Стасу сумочку, чтобы оформиться на телестудии! Алена дрожащими руками открыла заднюю панель – там не было ни симки, ни аккумулятора. В ее руках был лишь бесполезный корпус телефона.

Дрожа от нервного напряжения, она подняла плащ и до-

шла до стоящего на дороге «форда». Разумеется, он был заперт, а ключи находились в кармане джинсов Стаса. Впрочем, водить машину она все равно не умела. Она постояла немного, собираясь с силами, и медленно двинулась по направлению к большому шоссе.

Глава 9

Мы стояли возле унылой пятиэтажки и задумчиво смотрели на кодовый входной замок. Из дома долго никто не выходил, и Платон заметно нервничал, оглядываясь по сторонам и подолгу провожая взглядом мелькающих вдалеке прохожих. Я с опаской косилась на него. Действительно за нами следили или у Платона от слишком нервной работы слегка поехала крыша?

Наконец какая-то бабуся зашла в подъезд и мы быстро просочились за ней следом. Поднялись по загаженной лестнице на третий этаж и долго абсолютно безрезультатно звонили в нужную дверь. Затем Платон позвонил в соседнюю квартиру справа. Через пару минут оттуда послышалось шарканье и дребезжащий старушечий голос спросил:

– Кто там?

– Откройте, милиция! – не стал оригинальничать Платон, достав удостоверение из кармана.

Дверь распахнулась на ширину цепочки, и бабуля долго рассматривала сквозь образовавшуюся щель и удостоверение, и нас с Платоном. Я подумала, что беседовать мы будем тоже через дверь, но, видимо, фейс-контроль мы все же прошли, поскольку старушка скинула цепочку и пригласила нас войти. Правда, в отличие от гостеприимной Лидии, она не пустила нас дальше темной, заставленной какими-то ящিকা-

ми прихожей.

Старушка назвалась Евдокией Ярославовной. Она казалась совсем древней и сторбленной, но, к счастью, была в полном рассудке.

– А чего вы ко мне пришли? – для начала подозрительно спросила бабуся. – Али душегубы в городе перевелись и вы теперь с пенсионерами сражаетесь?

– Мы не сражаемся, мамаша, мы вас защищаем, – в тон ей на полном серьезе ответил Платон. – А появилась у нас информация, что вот в той квартире, – он кивнул налево, – наркотой торгуют. Вы чего-то подозрительного не заметили? Может, люди какие-то странные приходили? Там кто живет вообще?

– Надя там живет, – растерялась старушка. – Но она тихая, какая наркота? У нее ребенок малый, она и не водила к себе никого...

– То есть как «не водила»? – сделал стойку Платон. – Она переехала что ли?

– Да не знаю я, сынок... – еще больше расстроилась старушка. – Я ее давно и не видела даже. И дверь у нее не хлопает... Да нет там никого, я уверена! Думала, что уехала куда, даже звонила ей, но никто не открывает...

– И когда вы видели Надежду в последний раз?

– Дай Бог памяти, когда же? – задумалась старушка. – А, вот вспомнила. На Восьмое марта я ее поздравить решила. Одна живу, даже праздник не с кем отметить. Зашла к ней,

с малышкой погулькала, чайку попили. А через неделю решила еще зайти, она дома была, это точно, мне через стенку все слышно было. Но дверь мне не открыла. Я ей по телефону позвонила: как же так, что ж ты, красна девица, пожилых людей не уважаешь? А она так рыдала в трубку, так рыдала. мол, Евдокия Ярославовна, я расстроена очень, я к вам сама потом зайду, обязательно! И не зашла. Еще пару дней за стеной шебуршала, а потом я и не слышала больше ни ее, ни младенца. Пустая квартира стоит, точно!

– А кто отец ребенка, вы не знаете? – без особой надежды спросил Платон.

– Да откуда же? – удивилась старушка. – Я-то спрашивала, конечно, но Надя все отшучивалась: мол, непорочное зачатие, Евдокия Ярославовна, слышали про такое? Вот это оно и есть. Я ей толкую, что в чудеса верю, но про такое сроду не слыхала, а лет мне немало. А она мне: да разве то были чудеса? Вот со мной – это чудо так чудо!

Мы с Платоном переглянулись, и я задала крайне беспокоивший меня вопрос:

– А вы знали, что ваша соседка получила большое наследство?

– Что? – Старушка явно была поражена. – Какое такое наследство? Деньги что ли?

– Деньги. Где-то в феврале Надежда уезжала из города?

– Да-да, почти месяц ее не было, – согласно покивала старушка. – Она мне ключи оставила, я ее цветы поливала. По-

том Надя приехала, вместе с младенцем сразу ко мне, благодарила очень, две коробки конфет иностранных подарила. А зачем она ездила? Неужто за деньгами?

– А как она сама объяснила цель поездки? – официально спросил Платон.

– А никак, – задумалась старушка. – Сказала, мол, надо срочно ехать, если не затруднит вас, Евдокия Ярославовна, полейте пару раз цветочки. Я думала, что хахаль ейный позвал и она не вернется вовсе. Но она вернулась и почти весь март тут провела. А потом, видно, съехала и со мной не простилась.

– А еще с кем-то из соседей Надежда общалась? – спросил Платон.

– Да с кем тут общаться? Вот напротив Туркины живут, пустые людишки, пьющие. Смотреть на них противно! А рядом с ними Олег Иванович, вот тут даже не знаю... Мужчина он солидный, непьющий, может, и общались они.

Поблагодарив старушку, мы подошли к двери солидного Олега Ивановича, но того, как и следовало ожидать, не оказалось дома. Что ж, приедем сюда вечером, и возможно, нам все же удастся узнать, куда переехала Котеночкина.

«Разыскивается Надежда. Как символично», – подумала я, спускаясь по лестнице и чувствуя, как тяжелой волной захлестывает отчаяние. Коса растрепалась, потеряв всю былую красоту, утомленные шпильками ноги болели, новая обувь натерла до крови, и, главное, все было зря! Зря я ссорилась

с мужем, зря оставила детей, зря приехала в этот зачуханный городок. А ведь доказательства моего открытия были так близко! Я так рассчитывала на этих женщин. Но они пропали. Почему?!

Выйдя из дома, я привалилась спиной к грязной стене подъезда и разрыдалась. Я неудачница, незачем мне и рыпаться. Все мои начинания заканчиваются вот так – полным и безоговорочным поражением. Платон в полной растерянности топтался рядом.

– Платок у вас есть? – судорожно всхлипывая, спросила я.

– К-какой?

– Ну, не тот, что на голову. Носовой, разумеется.

Платка у Платона не оказалось, и я вытерла нос и глаза рукавом собственного белоснежного жакета.

– Вероника... Николаевна, что с вами? – робко поинтересовался мой спутник.

– Мне что теперь, возвращаться домой несолоно хлебавши? – И я снова разрыдалась. Ну вот, зря только жакет угробила.

Зато Платон понял суть проблемы и начал горячо меня утешать:

– Да что вы переживаете! Вечером приедем сюда, потрянем хорошенько этот солидного мужика, глядишь, все и раскроется! Наверняка он и есть отец ребенка, голову даю на отсечение!

– А как же бабка? Она бы знала, что соседи живут вместе!

– Так, может, все она знает. С чего ей с нами откровенничать?

Я снова утерла лицо когда-то белым рукавом и позволила Платону дотащить себя до машины.

Заводить мотор он не торопился, вместо этого снова стал говорить, что вот чутье ему подсказывает, что дамочек мы найдем. Не сегодня, так завтра.

– Платон, что же у нас получается? – растерянно спросила я. Мне до смерти хотелось отвлечься от грустных мыслей. Поиграю хотя бы в сыщика, раз уж мои биологические познания никому не нужны. – Смотрите, женщины вернулись после суда, отвоевав наследство, некоторое время радовались жизни, а затем тихо исчезли, словно испарились. Стоп! И бабуся, и Лидия рассказывали, что незадолго до исчезновения женщины плакали и резко прервали отношения с соседями. Может, им угрожали? Собирались похитить детей? Но тогда почему они не бросились к соседям за помощью, а, наоборот, отделились от них?

Связано ли исчезновение женщин и генетика? Надежда Котеночкина пропала еще в конце марта. Увидеть ее французский генетик не мог бы при всем желании. Но в начале апреля в городе еще была Татьяна Ромашова... Если кто-то не хотел допустить их встречи, разве не логично было бы исчезнуть именно ей, а не французу?

С другой стороны, внезапное и почти одновременное исчезновение обеих женщин с детьми показалось бы Интерпо-

ду подозрительным, и тогда бы дело о незаконном получении наследства точно бы возбудили. А так – никаких подозрений. О том, что женщины исчезли из города, Интерпол не знает до сих пор! Более того, загадочное исчезновение француза послужило хорошим предупреждением для других ученых – чтобы не совались больше в тихий городок С-к.

Но почему, почему некто так сильно не желает встречи генетиков с Ромашовой и Котеночкиной? Ведь проводились уже экспертизы, показавшие полную идентичность ДНК детей и отцов-миллионеров. Что изменила бы еще одна экспертиза?

– Если те экспертизы были подлинными, а не купленными, ничего не изменилось бы, – кивнул Платон. – Вашу мысль я понял. Вы полагаете, что наши дамы много лет назад согрешили с иностранными богачами, а год назад переспали с кем-то еще, но детей родили с генетическим кодом тех самых богачей. Допустим, что я в это поверю. Тогда возникает такой вопрос: откуда сами дамы могли узнать, что у их детей код не биологических отцов, а давних любовников?

– А это вопрос не ко мне, а к вам или к Интерполу, – усмехнулась я. – Разумеется, кто-то им подсказал. Кто-то, кто допускал такую возможность и проверил несоответствие кода детей и их биологических отцов. Вполне возможно, кстати, что проверяли не только этих двух дам, а еще десятков любовниц богатых, но тяжелобольных людей. Но телегония действует далеко не всегда. Иногда информация от био-

логического отца настолько сильна, что буквально стирает предыдущую.

– Ясно. – Платон пожал плечами с таким видом, словно ему и правда было все ясно. – Но вы же сами убедились, что с теми экспертизами не все было чисто. Иначе вряд ли кто-то прикладывал бы столько усилий, чтобы избежать повторных исследований.

– Я считаю, что абракадабру с листочка Татьяны надо отправить в Интерпол, – твердо сказала я.

– Да без проблем, – согласился Платон. – Сейчас пошлю телеграмму тому, кому этот набор цифр предназначался, а копию отправим в Интерпол. Поехали в отделение.

Глава 10

Начальник Платона, майор Александр Федотов, принял меня приветливо, тут же отвел в техотдел, где стояли сканер и мощный компьютер, и даже помог отправить сообщение в Интерпол. Затем пригласил нас с Платоном в свой кабинет, достал из стального сейфа бутылку коньяка и три рюмки и ласково предложил:

– Ну что, Вероника Николаевна, надо б отметить ваш первый день в сыскном деле!

Я чуть было снова не разрыдалась, но сдержалась и грустно ответила:

– Александр Тихонович, как бы это не оказался и мой последний день у вас.

– Чего так? – удивился он. – Не понравился город?

– Город красивый, – честно ответила я. – Но женщины, ради которых я приехала, бесследно исчезли!

– То есть как? – Майор аж побагровел. – Они числятся без вести пропавшими, а я об этом не знаю? Платон!

Платон кратко рассказал о наших поисках. Федотов слушал его молча, все больше мрачнее и нервно барабаня пальцами по столу. Опер умолк, и в кабинете повисла гнетущая тишина. Прошло несколько минут, и лишь тогда майор заговорил:

– Ну что же, Вероника Николаевна... Попробуем негласно

опросить соседей, может, и потянется какая-то ниточка. Да, лейтенант, надо б запросы организовать в те города, откуда они приехали. Может, там скажут, куда они могли податься.

– А как насчет объявления во всероссийский розыск? – поинтересовалась я. – Появится куда больше шансов найти. Кроме того, надо проверить аэропорты – они могли давно покинуть Россию.

– Вероника Николаевна, вы же взрослая девочка, – отечески улыбнулся мне майор. – На каком основании мы можем объявить их в розыск? Мол, обиделись, что им наш городок разонравился?

– Но они пропали... А перед этим перенесли какой-то стресс! У нас есть показания соседок, что незадолго до исчезновения обе женщины плакали. Им могли угрожать!

Я сама чувствовала, насколько неубедительно звучат мои слова. Майор спокойно продолжил:

– Я вам даже больше скажу: их могли шантажировать. И повод был, и деньги на кону стояли немалые. Ну и что? Дамы решили слинять по-тихому, быстренько собрались и уехали. Но никакого преступления в нашем городе они не совершили, заявления об их исчезновении нет, а значит, искать их мы может только негласно, своими силами.

– А если соседки напишут заявления? – не сдавалась я.

– Пусть пишут, – пожал плечами майор. – Но вообще из нашего городка уезжает столько народу, что, если б мы всех в розыск объявляли, работать было бы некогда.

– То есть искать пропавших – это не работа? – неожиданно зло бросил доселе молчавший Платон.

– Платон Викторович, я вас понимаю, – майор вновь стал отечески приветливым. – Но далеко не все исчезают столь же загадочно, как ваша невеста. Большинство просто не афишируют то, что собираются переезжать.

Я во все глаза уставилась на Платона. Выходит, у него пропала невеста? Давно ли? И как он с таким горем может спокойно выдерживать мои истерики?

В полностью расстроенных чувствах я вышла из кабинета майора и попросила Платона подвезти меня в гостиницу. Надо было поменять слишком легкое платье на более теплый наряд для вечерних поездок и убрать с глаз долой замусоленный, уже совсем не белый пиджак. По дороге мы молчали; Платон проводил меня до номера и остался ждать в коридоре.

Переоделась и причесалась я с рекордной быстротой и на этот раз выпендриваться не стала. Надев серый свитерок, джинсы и черные мокасины, я выглянула в коридор и пригласила Платона войти. Он немного помялся, но все же вошел. Нарываться еще на одну истерику ему явно не хотелось.

– Теперь объясните, что происходит у вас в городе? – дождавшись, пока он сядет, спросила я. – Я правильно поняла – люди исчезают пачками и никого это не волнует?

– Люди исчезают всюду, – чуть медленнее обычного ответил Платон. – Если поступают заявления от родных, откры-

ваем дело. Ну, или если находим труп.

– А ваша невеста когда исчезла?

– Три года назад. И я прошу прекратить этот разговор. Мне он неприятен.

Платон резко встал и посмотрел на меня с высоты своего роста. Я осталась сидеть. Тогда он просто развернулся и вышел из номера, бросив через плечо, что подождет меня внизу. Я вздохнула и вышла следом.

Уже сев в машину, я попросила:

– Платон, до вечера время еще есть. Давайте съездим к Лидии, пусть она напишет заявление о пропаже соседки! Они же дружили. Ведь заявления от соседей тоже принимаются, не только от родных?

– Принимаются. Только зачем? Вы верите, что мы найдем Татьяну даже против ее воли?

– Да поймите, ее могли похитить! Надо хотя бы дом обыскать. К тому же, если в доме остались детские вещи, я смогу провести свою экспертизу. И если с ней будет непорядок, этим делом напрямую займется Интерпол.

– Хорошо, поехали к Лидии.

По дороге Платон все время косился в зеркало заднего вида, но, судя по всему, на этот раз слезки не было. Через десять минут мы уже подъезжали к знакомому тупичку. Ставни дома Ромашовой по-прежнему были закрыты, и мы, не останавливаясь, проехали мимо, к белому каменному особнячку. Платон лихо подрулил к воротам и вдруг резко оста-

новился, словно наткнувшись на невидимое препятствие. Я вновь ощутила на своем животе всю прелесть туго натянутого ремня и сердито спросила:

– Что, опять слезка?

– Смотрите! – Побледневший опер кивнул на дом Лидии.

И я с удивлением увидела, что его ставни плотно закрыты.

– Но еще нет шести вечера... Еще светло. – Я старалась, чтобы голос не дрожал. – Платон, у вас принято закрывать ставни днем?

– Не спрашивайте глупости. – Кажется, хваленое терпение Платона закончилось. – Вы сами все прекрасно поняли. Черт, не зря же мне казалось, что за нами следят!

– Зайдем? – прошептала я.

– Разумеется. – Платон вышел из машины и пошел к дому.

Как и следовало ожидать, калитка была заперта, на траве не было видно ни складного стульчика, ни шезлонгов. Оглянувшись на меня, Платон, как озорной мальчишка, в два счета перемахнул через невысокий забор и оказался во дворе. Прошелся возле дома, пытаясь заглянуть в дом через запертые ставни, постучал в двери. Затем вновь перемахнул через забор и подошел ко мне.

– Я не могу просто так взять и взломать дверь, – тихо сказал он. – Теперь надо искать родных Лидии Плещеевой, возбуждать розыскное дело, и лишь тогда мы сможем войти внутрь. Но я обещаю: мы откроем дело и о пропаже Ромашовой и Котеночкиной. Я добьюсь.

– Постой! – Я решила наплевать на формальности. – А та старушка, с которой мы беседовали... надо срочно ехать к ней!

Мы одновременно бросились к машине. По пути Платон повторял как заклинание:

– Но я тогда оторвался от слежки... Никто не мог знать, куда мы поехали.

– Слушай, ты точно лучший опер? – разозлилась я. – Те, кто похитил женщин с детьми, и без всякой слежки прекрасно знали, куда мы поедем.

До блочной пятиэтажки мы домчались с ветерком, минут через пять. Поскольку высокие каблуки вместе с туфлями остались в гостинице, в быстроте я не уступала Платону. Мы вихрем взлетели на третий этаж и стали звонить и колотить в бабушкину дверь руками. Разумеется, в ответ мы не услышали ни звука.

Глава 11

Этим вечером я убедилась, что Платона не зря называли лучшим опером. За несколько часов он проделал просто гигантский объем работы. Ему удалось найти в соседней деревне дальних родственников Лидии Плещеевой и убедить написать заявление о ее пропаже. К сожалению, родных у Евдокии Ярославовны в городе не было, зато, еще раз съездив в ее дом, нам удалось застать на месте того самого солидного и непьющего Олега Ивановича Магарова, о котором с таким почтением поведала старушка.

Мужик был действительно объемным, причем основная солидность выпадала на район живота. Может, он и не пил, но зато ел явно за троих. К сожалению, помочь нам в поиске Надежды Котеночкиной он не мог. Да, обращал внимание на симпатичную соседку, даже заходил иногда вечерком за солью или мылом, чтобы познакомиться поближе. Надежда без возражений отдавала мыло и соль, но на сближение не шла, что меня вовсе не удивляло. Предположение Платона, что именно этот пузан – биологический отец Надеждиного ребенка, явно трещало по всем швам.

В качестве источника информации Олег Магаров не стоил и ломаного гроша, но польза от него все же была. Без малейших возражений он поехал с нами в отделение и написал заявление о пропаже сразу двух соседок по лестничной

клетке – Надежды Котеночкиной и Евдокии Ивановой. Мне показалось, что милицейский допрос напугал его так, что он согласился бы написать заявление о пропаже всех жителей городка одновременно.

Платон добился, чтобы заявления о пропаже всех женщин были тут же оформлены в производство, и отправил запросы в городской и два областных банка, чтобы узнать о счетах обеих наследниц. Начальник опергруппы майор Федотов и дежурный следователь капитан Петров допоздна подписывали многочисленные бумаги, тихо чертыхаясь сквозь зубы. Подозреваю, что лишь мое присутствие удерживало их от более крепких выражений.

Наконец все нужные бумаги были оформлены, и лишь тогда Платон без сил свалился на небольшой кожаный диванчик в своем кабинете. Я позвонила домой, узнала от няни, что дети погуляли, покушали и легли спать, и осторожно присела рядом с опером. Часы пробили десять вечера, и было ясно, что на сегодня все, что можно, уже сделано.

– Вероника Николаевна, вас отвезти в гостиницу? – не открывая глаз, спросил Платон.

– Нет! – Меня передернуло от ужаса. – Да я умру там со страху! Вы хоть понимаете, что сегодня пропали сразу два человека, имеющих хоть отдаленное отношение к моей экспертизе? И, по-вашему, я спокойно разденусь и лягу спать в гостиничном номере?

– Что же делать? – Платон даже проснулся. – Где же вы

будете ночевать?

– А прямо здесь. – Я кивнула на диванчик. – Где-то же ночуют ваши дежурные по отделению?

– Да, у нас неплохая комната для дежурных, прямо за дежуркой, – растеряно откликнулся опер. – Но удобств там маловато и все время кто-то ходит. Уснуть там вряд ли получится.

– Ну да, зато в гостинице я усну наверняка. Вечным сном, – зло сказала я. – Нет уж, ведите меня в вашу комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.